

Воспоминанія доктора Зейдлица

о Турецкомъ походе 1829 года.

Въ письмахъ къ друзьямъ *).

I.

Отъ Петербурга до Шумлы.

Константинополь, 22-го Декабря 1829 г.

Я прибылъ сюда съ нашимъ чрезвычайнымъ посланникомъ, графомъ Орловымъ, въ качествѣ врача при посольствѣ и, по всей вѣроятности, этому обстоятельству обязанъ тѣмъ, что еще живъ и могу хотя въ короткихъ словахъ описать свое путешествіе изъ Петербурга въ Кишиневъ, изъ Кишинева въ Адрианополь и наконецъ странствование изъ Адрианополя въ Византію.

30 Мая 1829 г. пустился я въ путь вмѣстѣ съ молодымъ докторомъ Фогелемъ, который бросилъ свою деревенскую практику въ окрестностяхъ Везенберга, чтобъ попытать счастья въ Турецкой войнѣ. Я радовался, что привелъ въ исполненіе свое намѣреніе, не смотря на противодѣйствіе всѣхъ моихъ знакомыхъ и друзей. Моимъ давнишнимъ желаніемъ было, по окончаніи путешествія съ ученою цѣлю по Франціи, Италіи и Швейцаріи, снова поступить на службу, и покамѣстъ мнѣ еще не приходилось раскаяться въ этомъ рѣшеніи. Какъ Русскій подданный, я иначе и не могъ поступить, и требованіе моей совѣсти удовлетворено. На второй день нашего путешествія (въ тотъ самый день, когда Дибичъ разбилъ Решидъ-пашу при Кулевчѣ и отрѣзалъ его отъ Шумлы) остановились мы обѣдать въ корчмѣ въ 83 верстахъ за Порховомъ. Подали намъ вареную рыбу, сильно отзывавшуюся плесенью, и кислаго молока. Въ настоящее время, когда я постоянно страдаю перемежающейся лихорадкой, одна мысль о подобномъ обѣдѣ возбуждаетъ во мнѣ дрожь; но тогда все обошлось благополучно. На другой день къ вечеру остановились мы за

*) Извлечено и переведено съ Нѣмецкаго. Подлинникъ напечатанъ въ видѣ приложенія къ «Дерптскому Городскому Листку» 1877 г. Достоуважаемый авторъ этихъ воспоминаній, Карлъ Карловичъ Зейдлицъ, пользующійся славой въ медицинѣ, извѣстенъ и въ Русской печати статьями своими о жизни В. А. Жуковского, которому былъ онъ другомъ (въ Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщенія), писанными порусски и появившимися потомъ отдѣльною книжкою, но уже на Нѣмецкомъ языкѣ (1872). П. Б.

60 верстъ отъ Великихъ Лукъ. Скучная, однообразная мѣстность производила на душу безотрадное впечатлѣніе; точно дорога эта вела куда-то, откуда нѣтъ возврата. Но я долженъ сказать, что предчувствія иногда бываютъ обманчивы. Особенно въ минуты душевнаго возбужденія, какъ это было со мною въ Іюнѣ 1829 г., не слѣдовало прислушиваться къ внутреннему голосу и довѣрять ему. Я съ восторгомъ вѣхалъ на войну, а между тѣмъ изъ зачумленнаго военнаго края доходили самыя противорѣчивыя извѣстія. Но, пріѣхавши туда, посреди опасностей, я забылъ свой страхъ, какъ это всегда бываетъ. Что же касается до энтузіазма, то ему пришлось быстро остынуть при видѣ постыднаго равнодушія въ большинствѣ дѣятелей: ихъ холодность къ побѣдамъ и къ славѣ подѣйствовала на меня, какъ будто на меня кто вылилъ цѣлый ушатъ воды. Только теперь, въ Константинополѣ, я снова начинаю согрѣваться...

Попутчикъ мой Фогель (страдавшій параличемъ верхнихъ вѣкъ) оказался человѣкомъ догадливымъ: на станціи Серпугъ онъ сказалъ смотрителю, что ему кланяется владѣлецъ Суража, баронъ Розенъ. Не знаю, сказалъ ли онъ правду, или выдумалъ нарочно, но только вслѣдствіе этого намъ подали отличнаго кофею со сливками и такого мягкаго печенья, какого я съ тѣхъ поръ нигдѣ и ни за какія деньги достать не могъ. Покуда мы завтракали, смотритель рассказывалъ разные случаи изъ своей служебной дѣятельности, жаловался на курьеровъ, которые загнали у него пропасть лошадей, на дороговизну сѣна и т. д.

Послѣ обѣда пріѣхали мы въ Суражъ на Двинѣ. Отсюда начинается Жидовское царство. Евреевъ я встрѣчалъ вездѣ въ Европѣ, теперь вижу ихъ и въ Константинополѣ, и всюду они являются тѣми же паразитами, живущими обманомъ и мошенничествомъ, пьющими чужіе соки. Конечно, бываютъ исключенія; но какъ ихъ мало! Здѣсь въ Константинополѣ они не зовутся ни гурами (собаками), ни эскири (рабами), ни райа (подданными); имъ присвоено названіе мусafirовъ (гостей), потому что, когда ихъ изгнали изъ Испаніи, они просили позволенія поселиться тутъ. Турки съ ними обращаются гораздо лучше, чѣмъ съ христіанами, и они безъ всякихъ стѣсненій занимаются ремеслами и торговлей. Живутъ они въ предмѣстьи за Св. Димитріемъ, на сѣверовосточной сторонѣ гавани. Тутъ же находится ихъ кладбище. Образъ жизни у нихъ также грязень, какъ вездѣ и всегда. Они носятъ, какъ и Турки, широкіе шаровары, башмаки или туфли, полукафтанье и большой голубой плащъ. На гладко-обритую голову Еврей надѣваетъ чалму изъ черносиняго войлока; но чалма обвита не шалью, а бумажной матеріей. Носить они ее торчкомъ на самой макушкѣ. Между Греками и Евреями сильная вражда, проявляющаяся при всякомъ удобномъ случаѣ. Когда Турки повѣсили патріарха Григорія, Евреи испросили себѣ позволеніе протаскать на веревкѣ трупъ его по всѣмъ улицамъ, и затѣмъ бросили его въ море. Здѣшніе Греки утверждаютъ, что на Пасхѣ Евреи крадутъ христіанскихъ младенцевъ и потомъ закалываютъ вмѣсто пасхальнаго агнца. Одинъ Еврей, перешедшій въ христіанскую вѣру, написалъ на Молдаванскомъ языкѣ книгу подъ заглавіемъ: «Опроверженіе Іудейской вѣры». Евреи заплатили господарю значительную сумму денегъ, чтобы онъ запретилъ эту книгу. Черезъ пятнадцать лѣтъ (1818) въ Яссахъ появился переводъ этой книги на Новогре-

ческомъ языкѣ, и въ первой главѣ говорится именно о томъ, за чѣмъ Евреямъ нужна кровь похищенныхъ дѣтей ¹⁾.

Въ Витебскѣ пришлось остановиться на одинъ день. Намъ порядкомъ растрясло, такъ что мы не прочь были и отдохнуть; но главная причина была та, что я общалъ полковнику Окуневу, у котораго болѣли глаза, ѣхать вмѣстѣ въ Главную Квартирu. Потомъ мы съ нимъ разѣѣхались.

Дорога въ Могилевъ очень красива. Она обсажена въ два ряда липами ²⁾. Вокругъ болотистая почва поросла густою травою. Въ 6 часовъ утра прѣехали мы въ Могилевъ. Отъ быстрой ѣзды передняя ось у нашей кибитки безпрестанно загоралась, и мы велѣли обить ее листовымъ желѣзомъ, что насъ задержало на нѣсколько часовъ. Могилевъ красиво расположенъ на Днѣпрѣ; онъ лучше обстроенъ и обширнѣе Витебска; въ городѣ много большихъ площадей. Русскіе здѣсь въ гостяхъ: хозяйничаютъ Евреи. Только аптеки и кондитерскія принадлежатъ Нѣмцамъ. Я купилъ шеколаду у какого-то Швейцарца изъ Граубиндена. Исторія покажетъ, какую важную роль суждено было играть этому шеколаду при переходѣ черезъ Балканы. Вечеромъ судьба намъ послала порядочную, опрятную Еврейку, которая угостила насъ превкуснымъ чаемъ. Это было въ Старомъ Быховѣ. Владѣлецъ городка, графъ или князь Сапѣга, имѣетъ похвальный обычай высылать вонъ всякаго Еврея, если онъ оказывается нечистоплотнымъ, развратнымъ или мошенникомъ. Вслѣдствіе этого Быховъ имѣетъ чистенькій, привлекательный видъ, а жители Евреи смотрятъ порядочными людьми. Вокругъ красивая мѣстность, но земля плохо, къ сожалѣнію, обрабатывается. Происходитъ это, по моему мнѣнію, единственно отъ того, что паразиты - Евреи неспособны ни къ земледѣлію, ни къ огородничеству, а занимаются только лихоимствомъ. Въ самомъ дѣлѣ что производитъ этотъ народъ? Обработкой какихъ естественныхъ произведеній занимается онъ? Давно бы пора вырѣзать этотъ ракъ, истощающій нашъ государственный организмъ.

Ставционные смотрители здѣсь тоже Евреи; въ Шловинѣ мы должны были заплатить одному изъ нихъ за стakanъ козею 1 р. 20 к. Здѣсь съѣхались мы съ курьеромъ, который везъ въ Петербургъ извѣстіе о побѣдѣ при Кулевчѣ. Я очень обрадовался этой вѣсти и пожалѣлъ, что не удалось принять участіе въ сраженіи, рѣшившемъ всю войну.

Мы вообще спѣшили доѣхать скорѣе до Главной Квартирu, такъ какъ боялись, что войско уже будетъ подъ Константинополемъ, прежде чѣмъ мы достигнемъ своего назначенія. Но въ Мормолѣ смотритель вдругъ вздумалъ не давать намъ лошадей. Мы подняли шумъ. Фогель, хотъ и страдалъ глазами, но такъ грозно посмотрѣлъ на него, что тотъ сразу послушался. Черезъ Березину пришлось переѣз-

¹⁾ Замѣательно, что это же сказаніе составляетъ предметъ особой должностной записки, представленной министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому однимъ значительнымъ чиновникомъ. Впрочемъ чиновникъ этотъ былъ гомеопатомъ, послѣдователемъ Сведенборга и наконецъ спиритомъ.

²⁾ Насаженными по распоряженію Бѣлорусскаго намѣстника графа З. Г. Чернышева; впоследствии деревьями украсились большія дороги въ остальной Россіи, и уже только въ наши дни большинство этихъ деревьевъ порублено, къ сраму тѣхъ, кому это вѣдать надлежало. Ц. Б.

жать на паромѣ, и лишь черезъ полчаса перевозчики на противоположномъ берегу вняли нашимъ крикамъ. Рѣка красиво извивается между берегами, поросшими орѣшникомъ и березнякомъ; но почва по ту сторону песчаная и болотистая. Крестьяне бѣдны, земледѣіе въ упадкѣ. Лѣсу здѣсь въ изобиліи, но крестьянамъ отъ того не легче. На станціи, гдѣ множество мухъ и смотритель Полякъ, подали намъ отличнаго чаю. Тутъ я увидалъ производство колесныхъ ободьевъ. Дерево подвергаютъ въ продолженіи 24-хъ часовъ вліянію сильнаго жара и затѣмъ сгибаютъ въ обручъ. О прочности этихъ ободьевъ могутъ засвидѣтельствовать колеса нашей повозки: они выдержатъ навѣрное еще два похода. Утромъ 7-го Іюня пріѣхали мы въ Мозырь на Припети. Судя по мѣстоположенію города при судоходной рѣкѣ, въ немъ должна бы развиться торговля; но почва вплоть до Овруча песчана и болотиста. Въ Мозырѣ нельзя было достать ни чаю, ни сахару; за кофей съ насъ взяли 3 р. 80 к. Всѣ слѣдующія станціи были въ такомъ же родѣ: нельзя было достать ничего съѣстнаго, даже переночевать было негдѣ. Исключеніе составляла станція Скородинка. Много еще нужно времени, чтобъ народонаселеніе и промышленность возросли въ этомъ краѣ до той степени, которая желательна и возможна, при естественныхъ условіяхъ, не представляющихъ никакихъ препятствій къ развитію.

На утро 10 Іюня выѣхали изъ Житомира, переѣхали черезъ рѣку Тетеревъ и очутились въ черноземной полосѣ, среди богатой растительности. Отъ наступившихъ дождей дорога сильно испортилась. Вплоть до самаго Бердичева (городъ принадлежитъ князю Радзивилу, имѣетъ 10,000 жителей, изъ которыхъ 9,500 Евреевъ) ѣхали мы прекраснѣйшимъ дубовымъ лѣсомъ; такого лѣса я нигдѣ и никогда не встрѣчалъ. Изъ-подъ черноземной почвы видѣлись глыбы гранита и гнейса. На слѣдующій день мы переправились черезъ Вугъ. Народъ здѣсь рослый и сильный, съ пріятными чертами въ лицахъ, но въ выраженіи есть что-то Татарское. Къ вечеру пріѣхали мы въ Тульчинъ и остановились у своихъ собратьевъ, доктора Германа и доктора Садлера, завѣдывавшаго тамоніей гомеопатической больницей.

Гомеопатическій способъ лѣченія, какъ и слѣдовало ожидать, пришелся по вкусу многимъ знатымъ лицамъ въ Петербургѣ. Въ немъ они увидѣли спасеніе отъ всѣхъ болѣзней. Слухи объ этомъ дошли до Государя, и тогда было рѣшено испробовать его въ большихъ размѣрахъ. Дѣло поручили доктору Герману, ученику Ганемана; условіе было заключено на три года, и жалованья назначено 12,000 р. въ годъ. Германъ долженъ былъ пробовать новое лѣченіе на гвардейцахъ, стоявшихъ тогда въ Тульчинѣ. Въ помощники Германъ выбралъ себя доктора Садлера ³⁾ и получилъ въ свое полное и безотчетное распоряженіе цѣлое отдѣленіе госпиталя. Когда я былъ у него въ Тульчинѣ, онъ однако жаловался, что ему мѣшаютъ и что нѣтъ возможности держать солдатъ на необходимой для успѣха лѣченія діетѣ и т. п. Я, конечно, заключилъ изъ его словъ, что лѣченіе не давало ожидаемыхъ плодовъ. И дѣйствительно, какъ видно изъ должностнаго отчета, при сравненіи гомеопатическаго отдѣленія съ прочими отдѣленіями госпиталя, способъ лѣченія доктора Германа оказался

³⁾ Садлеръ былъ потомъ главнымъ врачомъ при дворцовомъ госпиталѣ въ Петербургѣ.

нисколько не лучше другихъ. Онъ долженъ былъ прекратить дальнѣйшіе опыты и уѣхалъ въ Петербургъ ⁴⁾; въ Сентябрѣ и Садлеръ явился къ намъ въ Адрианополь.

11-го Іюня утромъ выѣхали мы изъ Тульчина. Неровная почва покрыта толстымъ слоемъ чернозема, который послѣ каждого дождя превращается въ густую черную грязь; но на этотъ разъ дорога представляла собою сухой, жесткій помостъ. Въ низкихъ мѣстахъ, вслѣдствіе гнилыхъ испареній, постоянно поднимающихся изъ земли, круглый годъ свирѣпствуютъ перемежающіяся лихорадки.

Прогоны и паспорта имѣли мы только до Балты, такъ что отсюда пришлось добираться собственными средствами до Главной Квартирѣ, куда мы обязаны были явиться къ доктору Генеральнаго Штаба Витту. Въ Балтѣ лошадей не оказалось. Мы ночевали въ плохомъ шинкѣ у какого-то Шведа. Фогель легъ въ кибиткѣ, а я помѣстился рядомъ съ питейной комнатою. Тутъ я увидалъ въ первый разъ Турецкихъ плѣнныхъ, взятыхъ подъ Варною. Они преисправно тянули водку и вино и, казалось, не жаловались на неволю. Около Балты много высокихъ кургановъ: въ старину здѣсь часто дрались Русскіе, Поляки и Татары. Густой слой чернозема покрываетъ не только короткообразныя ложбины, но и возвышенности; деревьевъ не видно совсѣмъ, всюду кругомъ зеленая степь. Верстѣ 15-ти къ Югу отъ Балты начинается высокая равнина, составляющая водораздѣлъ между Бугомъ и Днѣстромъ; 25 верстѣ отъ этого мѣста подъ черноземомъ лежитъ слой раковиннаго известняка, который переходитъ въ песчаникъ. Вплоть до Ягорлица подпочва состоитъ попеременно то изъ того, то изъ другого. За двѣ версты отъ этой станціи находится обширный высохшій водоемъ, въ южной части котораго есть прорывъ. Далѣе почва понижается къ Днѣстру, на правомъ берегу котораго лежатъ Дубоссары. Намъ пришлось таки подождать, покуда привели лошадей изъ Дубоссаръ. Мы были на границѣ затуманеннаго края; погранично съ Бессарабіей шла наша карантинная линія. 12 Іюня вечеромъ прѣехали мы въ Кишиневъ, сдѣлавъ благополучно 1729 верстѣ въ 13 дней. За ночлегъ въ грязной и тѣсной каморкѣ, въ которой не было даже кровати, а стояли только два сломанныхъ стула и такой же столъ, съ насъ взяли пять р. Въ этомъ городѣ мы могли наконецъ пообѣдать какъ подобаетъ человѣческимъ существамъ, поторопились запастись поскорѣе кофеемъ, чаемъ, сахаромъ, отличнымъ хлѣбомъ и плодами и выѣхали на слѣдующее утро. Благодаря нашимъ военнымъ мундирамъ, мы, не имѣя паспортовъ, безпрепятственно проѣхали степью 8 станціи, т. е. 172 версты, и наконецъ достигли Прута. Дорога то поднималась въ гору, то снова опускалась. Сѣла попадались верстѣ черезъ 20 или 25; они же служили почтовыми станціями. На второй станціи послѣ Кишинева, Гура-гальбинѣ, большая часть жителей страдала лихорадкой, особенно плохо приходилось Русскимъ. Мѣстность представляла плохую черноземную равнину. Большое село, принадлежащее камергеру Бальшу, замѣчательно своими широкими, пересекающимися подъ прямымъ угломъ улицами. Вечеромъ мы напились чаю въ мѣстечкѣ Могиля-Леовѣ и выѣхали ночью, хотя намъ не совѣтовали этого дѣлать, потому что ночью легче всего схватить

⁴⁾ Здѣсь онъ продолжалъ лѣчить гомеопатіей въ большемъ Военномъ Госпиталѣ, съ тѣмъ же успѣхомъ, что и въ Тульчинѣ.

лихорадку. Дѣйствительно, болотистая почва, по которой шла дорога, должна быть мѣстороженіемъ лихорадокъ. Всю ночь мы слышали неумолкаемое кваканье лягушекъ и стонъ жабъ; въ воздухѣ стоялъ ѣдкій запахъ, точно отъ гнилыхъ устрицъ.

Въ Формозѣ куда мы пріѣхали 14-го Іюня рано утромъ, насъ встрѣтили извѣстіемъ, что въ селѣ чума. Въ 12 ч. мы были на берегу Прута у карантина, въ которомъ уже было двѣнадцать человѣкъ больныхъ чумою. Почтовые лошади, на которыхъ мы пріѣхали, были отправлены обратно въ Водолунсу, а нашу кибитку протащили люди съ того берега черезъ длинный мостъ. Точно подъемная дверь захлопнулась за мною. Мы были отдѣлены отъ всего остальнаго міра; вернуться туда можно было только послѣ 40 дневнаго задержанія.

Путь течетъ по обширной, плоской равнинѣ, поросшей камышомъ. На Бессарабской сторонѣ виднѣлись виноградники, каштановыя деревья, огороды, на Молдавской же ничего кромѣ болотъ: растительности никакой. Въ Молдавіи началось наше мученье съ лошадьми. Упряжка тамъ совершенно первобытная. Лошадей привязываютъ ремнями и веревками къ экипажу, а оглобли связываютъ, такъ что онѣ образуютъ родъ дышла; впрягаютъ пару лошадей въ дышло и трехъ лошадей спереди; двое Молдаванъ садятся верхомъ на этихъ лошадяхъ, чтобы править ими. На одной станціи намъ впрягли даже шесть лошадей, но онѣ такъ бѣшено поскакали всѣ вразъ и такъ запутались въ веревкахъ, что мы попросили, чтобы намъ дали только четырехъ, съ тѣмъ что платить мы будемъ все-таки за шесть. На спускахъ было жалко смотрѣть, какъ несчастныя лошади усиливались сдерживать экипажъ. Разстояніе между станціями очень небольшое, верстъ 12—16, ѣзды часа три-четыре. Платы за каждую лошадь полагается 10 к. за часъ. До Галаца мы ѣхали 32 версты восемь часовъ. Городъ стоитъ при впаденіи Прута въ Дунай. Вдоль праваго берега Прута возвышается множество холмовъ, кургановъ, которые, говорятъ, насыпаны руками человѣческими; но я скорѣе думаю, что они образовались съ теченіемъ времени изъ щебня, нанесеннаго сюда горными потоками съ Карпатовъ и измельченнаго дѣйствіемъ воды. Въ углу, образуемомъ обѣими рѣками, лежитъ большое озеро—Братишъ. Нѣсколько верстъ къ Югу отъ Галаца впадаетъ въ Дунай рѣка Сереть. Въ Галацѣ передъ каждымъ домомъ дымится зажженная куча навоза въ предупрежденіе заразы. На станціи мы не выходили изъ повозки, но пили чай и спали въ ней же. Утромъ я отправился въ госпиталь къ главному доктору, узнать отъ него, гдѣ Главная Квартира. Онъ просилъ меня зайти въ канцелярію и общалъ сообщать требуемыя свѣдѣнія. Но я уже прежде слышалъ, что слѣдуетъ опасаться подобныхъ приглашеній, такъ какъ главные доктора безъ всякихъ разговоровъ оставляютъ у себя на службѣ докторовъ, ѣдущихъ изъ Петербурга въ армію. Подобная перспектива мнѣ нимало не улыбалась, такъ какъ я пошелъ служить совсѣмъ не для того, чтобы попасть въ какомъ нибудь отдаленномъ лазаретѣ подъ начальство какого нибудь Ивана Петровича. Я поспѣшилъ обратно на станцію, показалъ смотрителю, инвалидному унтеръ-офицеру, свою старую дорожную, и онъ, увидавъ двуглаваго орла, напелъ, что все въ порядкѣ, и сейчасъ же далъ лошадей. На слѣдующей станціи, передъ тѣмъ, какъ намъ пріѣхать, умерли отъ чумы двое унтеръ-офицеровъ и двое солдатъ. Покуда мою дорожную окуривали надъ тлѣвшей навозной кучей, смотритель, саперный унтеръ-офицеръ, рассказалъ

мнѣ про неудачный штурмъ Браилова въ прошломъ году, и какъ наши храбрые солдаты отличались мужествомъ и послушаніемъ воли начальства. Во время приступа началась буря, и вихрь поднялъ такія облака пыли, что батальонъ, который долженъ былъ овладѣть брешью, не нашелъ ея и попалъ на неприступную часть укрѣпленій. Командовавшій офицеръ поспѣшилъ ихъ отвести, но провелъ дальше, чѣмъ слѣдовало. Наконецъ они нашли брешь, ринулись въ нее, а между тѣмъ было приказано всѣмъ отступать. Они объ этомъ не знали и очутились между двухъ огней: въ нихъ попадали и свои, и враги. Особенно восхвалялъ старый солдатъ храбрость своего капитана, котораго онъ называлъ Аугенбергомъ. Можетъ быть, онъ не совсемъ точно произносилъ его имя, но не все ли равно? Человѣкъ этотъ оставилъ по себѣ славную память, и довольно. Черезъ три часа мы были въ Браиловъ, на слѣдующей станціи. Здѣсь я обратился къ коменданту съ просьбою подписать дорожную для дальнѣйшаго пути. Въ госпиталѣ хотѣлъ я справиться, нѣтъ ли между докторами Дерптскихъ товарищей, но не засталъ тамъ ни одного доктора. Мнѣ показали квартиру главнаго доктора Басманова. Такъ какъ у нихъ передъ тѣмъ умеръ одинъ изъ докторовъ, Томасъ, то онъ и рѣшилъ не пускать меня ѣхать дальше. Конечно, онъ не имѣлъ на это ни малѣйшаго права, но гдѣ же я бы нашелъ защиту противъ его самовласти? Я твердо заявилъ ему, что одного его приказанія недостаточно, а пусть онъ пришлетъ мнѣ бумагу и приказъ отъ самого коменданта. Онъ поспѣшилъ къ коменданту, а я бросился на станцію, которую только наканунѣ перевели за двѣ версты отъ города. Покуда Басмановъ отыскивалъ меня на старомъ мѣстѣ, я лѣзъ изъ крѣпости чрезъ проломъ въ стѣнѣ, черезъ рвы, заросшіе крапивой, прямо къ своей повозкѣ, велѣлъ поскорѣе запрягать и былъ таковъ. Такъ я Браилова и не видалъ; видѣлъ только единственные уцѣлѣвшіе четыре Турецкихъ минарета. Въ Бертештѣ мы опять ночевали подъ открытымъ небомъ. Въ Слободзеѣ жители послѣ чумы всѣ выселились вонъ изъ города.

16-го Іюня въ 3¹/₂ часа пополудни увидали мы изъ Калараша Силистрію. Отъ Браилова до Калараша сдѣлали мы около 112 верстъ въ 28 часовъ. Мы были близко отъ самаго театра войны, а между тѣмъ вокругъ насъ ничто не давало знать объ этой близости. Луга зеленѣли и пестрѣли цвѣтами; ни одного караульнаго на часахъ, и никакихъ смертоносныхъ орудій по дорогѣ. Мы вѣхали въ лагерь у Калараша совершенно свободно. Но Главная Квартира уже была перенесена подъ Шумлу, и надо было ѣхать дальше. Почтмейстеръ никакъ не хотѣлъ давать лошадей, пока подорожная наша не будетъ засвидѣтельствована комендантомъ и главнымъ докторомъ. Я отослалъ ее къ коменданту, а самъ отправился въ госпиталь посмотреть, нѣтъ-ли знакомыхъ между докторами. Тутъ были все молодые хирурги изъ Москвы; они жили по двое въ солдатскихъ палаткахъ. Я опасался, что здѣсь не удастся такъ ловко ускользнуть какъ въ Галацъ и Браиловъ, и потому пошелъ самъ къ коменданту спросить, не довольно ли будетъ одной его подписи для полученія почтовыхъ лошадей. Майоръ Вульфъ, Лифляндскій уроженецъ, принялъ меня очень ласково, но все-таки послалъ къ главному доктору, Ремаревскому. Какъ же я обрадовался, когда сей послѣдній сталъ выражать мнѣ сожалѣніе, что не можетъ оставить меня здѣсь въ качествѣ главнаго хирурга, ибо наканунѣ получилъ приказъ объ отправкѣ всѣхъ докторовъ че-

резъ Варну и Горбачебанъ (близъ Гирсова) въ Шумлу. Можете себѣ представить мою радость! Я поспѣшилъ къ Фогелю, ожидавшему меня на станціи, передалъ ему пріятную вѣсть, а смотрителю приказаніе дать намъ лошадей. Мы, конечно, могли бы тутъ отдохнуть, посмотреть на Силистрію, возвышавшуюся на противоположномъ берегу Дуная, въ разстояніи какихъ нибудь 12-ти верстъ; но страхъ, какъ бы насъ здѣсь не оставили въ концѣ концовъ, заставилъ торопиться отъѣздомъ. Часа въ 4 началось обстрѣливаніе крѣпости; а днемъ, въ сильный жаръ, всѣ отдыхаютъ. Турки изрѣдка отвѣчали; если же съ ихъ стороны раздавалось нѣсколько выстрѣловъ сряду, то всѣ наши батареи принимались громить ихъ въ продолженіи минутъ пяти, такъ что они замолкали и ограничивались салютами черезъ каждыя двѣ-три минуты. Два дня спустя, 19-го Іюня, Силистрія сдалась.

Въ Житомирѣ мы ѣли мясо въ послѣдній разъ; съ тѣхъ же поръ питались кофеемъ, бѣлымъ хлѣбомъ и молокомъ. Поровнявшись съ лавочкой маркитанта, мы, конечно, великіе остановиться и пообѣдали, за что съ насъ взяли 4 р. 20 к. Мы тутъ убѣдились, что на войнѣ еще не совсѣмъ плохо, коли можно за деньги получить горячій обѣдъ. Объ опасности мы не думали, такъ какъ непріятель былъ далеко; голодная смерть тоже не могла угрожать намъ, въ Каларашѣ лавки тянулись длинными рядами, и въ нихъ было всего въ изобиліи: колбаса, ветчина, сыръ, прогорклое масло, сахаръ, кофеи, чай, печенье и т. п. Пообѣдавъ всласть, мы растянулись въ кибиткѣ и отправились по той же самой дорогѣ обратно за 80 или 90 верстъ въ Слободзею и Піопетро, гдѣ близъ Гирсова находится переправа черезъ Дунай. 17-го Іюня утромъ пріѣхали мы въ Піопетро. Близъ дороги находились развалины монастыря; они заняли насъ тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ мы встрѣчали только плохія избы. Монастырь разрушенъ Турками въ 1809 году, отъ него остались однѣ стѣны. Въмѣсто монаховъ насъ встрѣтила цѣлая стая воронъ; онѣ лакомились трупомъ лошади, и мы имъ помѣшали. У станціоннаго смотрителя въ селѣ едва едва нашлось достаточно воды и дровъ, чтобы согрѣть намъ чайный котелокъ. Судя по этому да по голымъ стѣнамъ его избы, жизнь, которую онъ ведетъ уже нѣсколько лѣтъ, далеко непривлекательна. Я спросилъ, отчего онъ не пользуется прекрасной черноземной землей, не посадить вокругъ дома гороху, капусты или картофеля; на это онъ отвѣчалъ, что и радъ бы, да въ селѣ не найдешь никакихъ сѣмянъ. Избы стоятъ въ безпорядкѣ, далеко одна отъ другой, и нѣтъ ни деревьевъ, ни кустика, ни цвѣточка передъ домомъ. Лѣнныя Молдаване довольствуются тѣмъ, что имъ даютъ козы, овцы и коровы. У нихъ подъ носомъ впадаетъ въ Дунай судоходная рѣка Яланица, плодородная земля покрыта высокой травой, климатъ ровный и теплый въ теченіи круглаго года, а имъ до этого всего и дѣла нѣтъ. Даже траву они не косятъ про запасъ на зиму, отчего и люда, и скоту бываетъ иногда плохо.

Переправившись черезъ Яланицу, мы поѣхали гатью, устроенною въ прошломъ году нашими солдатами. Берега рѣки плоски и поросли мелкимъ кустарникомъ; жилья не видно нигдѣ. Дунай здѣсь болѣе версты въ ширину. На берегу столпились, въ ожиданіи парома, большой гуртъ быковъ, рота солдатъ и маркитантскій обозъ. Пришлось ждать болѣе часу. Въ ожиданіи, капитанъ сторожеваго судна попросилъ меня осмотрѣть трупы двоихъ умершихъ и засвидѣтельствовать, что они умерли не отъ чумы. Переправа черезъ рѣку про-

должалась не болѣе получаса, но мы причалили на версту ниже того мѣста, откуда поѣхали. На правомъ берегу Дуная были устроены Русскія стоянки въ видахъ скорѣйшаго сообщенія съ Главной Квартирой. Крестьянамъ ближайшихъ губерній было приказано явиться съ телѣгой и тремя лошадьми, для перевозки всѣхъ, ѣдущихъ по дѣламъ службы. Расположены были эти стоянки по всей Болгаріи, одна отъ другой на разстояніи 25—26 верстъ.

Крестьяне получали 30 р. жалованья въ мѣсяцъ, даровой кормъ для лошадей и кромѣ того за ѣзду на каждую лошадь за версту по 8 к. Я былъ радъ раздѣлаться съ неуклюжей Молдавской упряжкой и снова ѣхать на Русской тройкѣ, но на второй же станціи меня постигло разочарованіе: на спускѣ лошади наши понесли, повозка опрокинулась, и я, описавши кривую линію, свалился на правую сторону. Фогель же, который изъ предосторожности еще при началѣ горы вышелъ, благополучно спустился къ намъ. Посреди дороги кучей лежали люди, лошади и чемоданы. Это была моя неудача № 1 въ непріятельской землѣ. Мы поднялись на ноги съ помощью Болгарина и шажкомъ допелись до слѣдующей стоянки, гдѣ провели ночь подъ открытымъ небомъ, покада чинили нашу повозку.

18-го Іюня пріѣхали мы въ довольно значительный портъ Чернаго моря, Мангалію, сдѣлавъ 45 верстъ по необычайно-плодородной степи, гдѣ не было души человѣческой. Кюстенджи была совершенно разрушена. Отъ Карасу до Кюстенджи ѣхали мы 23 версты вдоль Траянова вала. У сѣверной стѣны находится ровъ; отъ башенъ же не осталось и слѣда: весь матеріалъ употребленъ на новѣйшія постройки. По всей Добруджѣ Русскіе заготовляютъ запасы сѣна на зиму. Черное море своимъ синимъ цвѣтомъ напоминаетъ Генуэзскій заливъ. Въ Кюстенджи была также прежде чума, такъ что наши войска должны были разбить лагерь на самомъ берегу моря. Маркитантъ Еврей взялъ за плохенькій обѣдъ 5 р., ссылаясь на низкій курсъ; но покрайней мѣрѣ, онъ не требовалъ, чтобы его считали патриотомъ и не числится членомъ какого нибудь патриотическаго общества. По дорогѣ изъ Кюстенджи въ Мангалію, въ большомъ, разоренномъ селѣ Тузлѣ, увидали мы наконецъ четыре дерева, но нигдѣ ни малѣйшихъ признаковъ земледѣлія, или какого нибудь производства: богатые дары природы пропадали втунѣ. На всемъ лежало проклятіе Турецкаго владычества. Въ Мангаліи насъ обкурили, какъ слѣдуетъ, и мы переночевали въ виду Чернаго моря въ «Калантеріи». Мѣстоположеніе города прелестно. Но всѣ жители переѣхали на дачи въ избѣжаніе чумы; въ разоренныхъ домахъ помѣшались Русскіе. На другое утро, по дорогѣ въ Сартікійю, намъ повстрѣчался большой отрядъ плѣнныхъ Турокъ; они были всѣ очень веселы и довольны тѣмъ, что больше не нужно сражаться.

И отъ Сартікіюя остались однѣ развалины. Мы долго ждали лошадей, которыхъ пришлось ловить изъ табуна, а покада мы собственноручно варили себѣ кофей, казаки дали намъ молока отъ буйволицы; но кофей черезъ то вкуснѣе не сталъ, а напротивъ. Намъ попался хромой офицеръ, которому тоже надоѣла война; съ удовольствіемъ возвращался онъ на родину отдыхать на лаврахъ въ своемъ помѣстьи, гдѣ у него было душъ тридцать крестьянъ, обязанныхъ кормить барина.

Въ Коваріѣ свирѣпствовала чума, и жители всѣ преселились за городъ. Нѣсколько докторовъ уже померло. Городъ разрушенъ вы-

стрѣлами: удѣляли только два минарета. Слѣдующая станція (30 в.) Сатеоль, уже въ Балканскихъ предгоріяхъ; Бальчикъ остался вѣво. Версты за три до станціи, дорога спускается въ ущелье, заросшее дикимъ виноградникомъ, грушевыми, вишневыми и каштановыми деревьями. Мы такъ долго были лишены растительности, что видъ густой зелени привелъ насъ въ восхищеніе. Вдругъ начался ливень; мы думали было найти защиту подъ густыми деревьями, но не прошло и двухъ минутъ, какъ на насъ не осталось сухой нитки; вещи наши въ повозкѣ, книги, инструменты взмокли совершенно. Это была бѣда № 2, а за тѣмъ последовалъ и № 3: лошадей не было ни одной, и смотритель объявилъ, что раньше какъ черезъ два дня ихъ и не будетъ, потому что всѣхъ забираютъ курьеры и фельдъегеря. Шумла и Главная Квартира такъ близко, а добраться туда нѣтъ возможности: мы находились въ пустынной, необитаемой мѣстности, и никакія просьбы и денежные посулы не могли помочь. Самъ смотритель жилъ въ могилѣ какого-то магометанскаго святаго гиганта; лошади стояли въ разрушенной мечети. А тутъ еще подѣхали два пьяныхъ комисаріатскихъ чиновника, да говорунъ майоръ съ ближайшаго этапа помѣстился тоже въ могилѣ у святаго, такъ что намъ оставалось отодвинуть повозку къ сторонѣ и ночевать въ ней. Не знаю, долго ли бы намъ тутъ пришлось жить и голодать, еслибъ къ счастію ночью не пришли новыя лошади. Покуда прочіе путешественники предавались сну, мы велѣли запрягать и отправились далѣе. Дорога изъ глубокаго пустыннаго ущелья шла густымъ лѣсомъ, постепенно поднимаясь все выше и выше. Какая здѣсь роскошная природа! Что за высокія деревья, перевитыя дикою лозою и хмѣлемъ! Но только одинъ прекрасный колодезь на полпути, да развалины мечети свидѣтельствовали о трудѣ человѣка. Съ вершины горы открывался очаровательный видъ на море; на берегу раскинулось большое Болгарское село. Дальше дорога пошла по плоской возвышенности, между лугами и хлѣбными полями, вплоть до станціи, которая, изъ опасенія чумы, была переведена за 5 верстъ отъ Варны въ редутъ, оставшійся отъ прошлогодней осады. Лошадей и здѣсь не было. Не смотря на палящій зной, я отправился на гору въ городъ черезъ поломанные виноградники, гдѣ еще лежали пушечныя ядра, и изъ подъ земли выглядывали лошадиныя кости. Варна привлекала меня уже потому, что обладаніе укрѣпленнымъ портомъ имѣло большое значеніе въ дальнѣйшемъ ходѣ войны; а кромѣ того меня приманило воинственное оживленіе, которое я думалъ найти въ этомъ городѣ.

Крѣпость Варна расположена подумѣсяцемъ въ обширной морской бухтѣ; на рейдѣ стояло множество купеческихъ и военныхъ кораблей; направо и налево отъ города по берегу были расположены лагерьмъ наши войска. Бѣлыя палатки посреди зеленѣющихъ полей, красныя плоскія крыши домовъ и сверкающее море представляли собою поразительное сочетаніе цвѣтовъ. Западные ворота были заперты, и мнѣ пришлось обойти кругомъ города къ восточнымъ, гдѣ меня приняли за одного изъ докторовъ при госпиталѣ, и пропустили безъ всякаго замедленія. Я отправился въ госпиталь, но нашелъ только доктора Салмоновича, который одинъ остался въ живыхъ и принужденъ былъ исполнять обязанности и аптекаря. Городъ былъ совсѣмъ пустъ: и жители и войска выведены изъ зараженнаго мѣста; дома и лавки заперты. Я былъ страшно голоденъ; на базарной пло-

шаді попался мнѣ на встрѣчу толстый комисаръ; я обратился съ вопросомъ, гдѣ здѣсь можно достать чего нибудь поѣсть. Не говоря ни слова, онъ вынулъ изъ кармана флаконъ съ ароматическимъ укусомъ, налилъ нѣсколько капель мнѣ на руки и посовѣтовалъ вымыть имъ руки, лицо и голову. Я послѣдовалъ его совѣту, и тогда онъ объяснилъ, что мы можемъ вмѣстѣ идти въ лагерь, гдѣ марки-тантъ открылъ лавочку. Пока мы утоляли голодъ, пріѣхалъ докторъ изъ Главной Квартіры и спросилъ тоже поѣсть. Не дожидаясь распросовъ съ нашей стороны, онъ сообщилъ, откуда и куда ѣдетъ, какъ и зачѣмъ и т. д. Его посылали съ двумя другими докторами въ Варну, Коварну и Зицеболзе лечить чумныхъ. По его мнѣнію, нужно только сразу энергично приняться за дѣло, и никакая чертовская чума неопасна. Бѣдный говорунъ! Черезъ недѣлю его уже не было на свѣтѣ. Между прочимъ онъ сообщилъ, что въ Варну отправлялся также съ нимъ Деритскій докторъ Петерсенъ. Тутъ я вмѣшался въ разговоръ и просилъ отвести меня послѣ обѣда къ нему. Петерсенъ оказался добрымъ землякомъ и отличнымъ докторомъ. Поболтали мы съ нимъ часокъ, потолковали о важности порученной имъ задачи, и я, весьма довольный всѣмъ видѣннымъ, отправился черезъ кусты и виноградники прямо на почтовую станцію. Докторъ Фогель добылъ гдѣ-то молока, услужливый казакъ принесъ кипятку, и мы принялись запивать наше горе чаемъ: не было ни малѣйшей надежды добыть здѣсь лошадей. Напрасно просилъ я начальника каравана взять насъ съ собою до Шумлы; онъ или не могъ, или не хотѣлъ. Весь слѣдующій день, 21-го Іюня ст. ст., пробѣгалъ я по лагерю, отыскивая продажныхъ лошадей съ сбруей. Это было сущее мучение. Жара невыносимая! Наконецъ я таки нашелъ чего искать, хотя пришлось заплатить въ тридорога (330 р.) и просилъ Фогеля вечеромъ пріѣхать съ повозкою прямо въ лагерь. Но онъ какимъ-то образомъ попалъ въ траншею, повозка сломалась, и пришлось оставаться. По крайней мѣрѣ мы были спокойны насчетъ дальнѣйшаго путешествія, сдѣлавшись сами себѣ и господа и слуги. Я побывалъ еще разъ у доктора Петерсена, который уже помѣстился въ палаткѣ близъ чумнаго отдѣленія госпиталя. Беспорядокъ тамъ былъ ужасный, и Петерсенъ просто приходилъ въ отчаяніе.

На слѣдующій день, часа въ два, тронулись мы наконецъ въ путь. Фогель, какъ человѣкъ умѣлый и живавшій въ деревнѣ, взялъ возжи въ руки. Съ нашей стороны было большой смѣлостью пуститься въ путь по чужой землѣ, гдѣ еще такъ недавно были непріатели, безъ дорогъ, безъ проводника, безъ конвоя. Но нетерпѣніе наше было такъ велико, что мы ни о чемъ другомъ не думали, а положились на свою счастливую звѣзду, въ надеждѣ что она благополучно доведетъ насъ до цѣли нашего странствованія. У меня была Carte de l'empire Ottoman par Larie (Русской карты въ Петербургѣ не нашлось), и мы, руководясь ею, держали путь на Западъ къ Шумлѣ. Съ той стороны течетъ рѣка, образуетъ большое озеро Леманъ и впадаетъ въ море при Варнѣ. Вдоль этой рѣки мы и ѣхали, по прекрасной мѣстности между холмами; вечеромъ же остановились въ предѣстномъ ущельѣ, подъ вѣковымъ серебристымъ тополемъ. Съ обѣихъ сторонъ горы возвышались стѣной, но на Востокъ виднѣлось озеро Леманъ и море. Съ нами вмѣстѣ остановились отдыхать два Русскихъ извозчика, отправлявшихся также въ Главную Квартіру. Фогель отпрягъ лошадей, проводилъ ихъ, и потомъ, привязавъ за длин-

ную веревку, пустил на траву. Я же въ это время развелъ огонь, зачерпнулъ воды изъ протекавшаго тутъ же ручья и приготовилъ чай. Срубленный стволъ сосѣдняго тополя-близнеца служилъ намъ и столомъ, и диваномъ. Мы провели тутъ чудный вечеръ! Кажется, и лошади были того же мѣня: онѣ весело заржали, когда имъ всыпали овса.

На другой день (23-го Іюня) проснулись мы довольно поздно. Платье на насъ совсѣмъ промокло отъ сильной росы. Чтобы не терять времени, мы отказались отъ кофее, вмѣсто того выпили чистаго Сантуринскаго вина, заложили свою повозку и пустились далѣе, восхищаясь мыслью, что наша зависимость отъ почтмейстеровъ кончилась.

Проѣхавъ съ версту, мы увидали Русскій редутъ подъ небольшою горкой. Мы все продолжали ѣхать вдоль рѣки прямо на Западъ до селенія Девны, отъ котораго не оставалось почти никакихъ слѣдовъ. Холмы, окаймлявшіе долину, становились выше и выше; направо дорога вела въ Козлуджи, налѣво по каменному мѣсту въ Праводы. Мы держали путь черезъ степь все къ WNW, прямо на Шумлу. Часовъ въ 10 повстрѣчались намъ большой караванъ верблюдовъ; ихъ тутъ было до тысячи. Лошади наши испугались и стали. Пришлось ждать, покуда караванъ пройдетъ мимо. Калмыки напѣвали свои хорошо знакомыя мнѣ пѣсни, такъ что мнѣ мерещилось, будто я въ Астрахани. Они только что отвезли транспортъ съ провіантомъ въ Главную Квартиру и теперь шли обратно въ Варну.

До тѣхъ поръ, покуда мы не овладѣли гаванями Кюстенджи, Мангаліей и Варной, приходилось все, что шло изъ Россіи, все до послѣдней тряпки на корбю, перевозить на верблюдахъ. Моремъ же перевозка пошла въ десять разъ быстрее. Вообще Турецкій походъ по своимъ неимовернымъ трудностямъ не можетъ идти въ сравненіе съ войнами въ Италіи и въ Германіи. Въ полдень мы остановились у колодца, развели огонь, сварили супу и легли отдохнуть подъ тѣнію повозки; въ 5 часовъ покинули пустыню (которую, впрочемъ, черезъ двѣ недѣли пришлось вновь увидеть, когда я ѣхалъ изъ Шумлы черезъ Балканы) и направились къ Іенибазару. Тутъ ужъ росли деревья, и поля засѣяны: Турки, думали, что Русскіе больше не придутъ. Нашимъ жатва пришлась кстати!

Въ Іенибазарѣ былъ устроенъ карантинъ, для того чтобъ чума не распространилась и въ Главной Квартирѣ. На полѣ, передъ селомъ, находилось до 500 повозокъ въ ожиданія осмотра и очищенія. Иныя стояли уже болѣе недѣли (вѣроятно оттого, что не могли уплатить необходимой для ускоренія этого процесса суммы), другія пропущались безъ малѣйшаго замедленія. Мы надѣялись, что насъ не задержатъ; но такъ какъ ужъ было поздно, то мы рѣшились переночевать въ полѣ. Хотя этотъ вечеръ не имѣлъ такого поэтическаго характера, какъ прошлый, но мы были довольны и счастливы: въ головѣ твердилось: «вотъ мы пріѣхали!» Не знаю, можете ли вы себѣ ясно представить, что значитъ отправиться въ путь съ короткимъ напутствіемъ такого рода: «Ну теперь, почтенные господа доктора, изъ Балты поѣзжайте сами, какъ знаете!» И далѣе никакихъ указаній. Еслибъ у насъ самихъ не было такого сильнаго желанія поскорѣ доѣхать до мѣста, гдѣ насъ уже, можетъ быть, давно ожидали, то мы могли бы провести въ дорогѣ мѣсяца три-четыре, какъ это было со многими чиновниками, принужденными сидѣть на станціяхъ. Понятно поэтому, что мы весело чокались стаканами Сантуринскаго и поздравляли другъ друга

съ приѣздомъ. Конечно нашимъ ушамъ и носамъ еще угрожала нѣкоторая опасность, такъ какъ правовѣрные Турки все еще считали, что съ подобными трофеями легче войти въ рай и спокойно рѣзали ихъ и клали въ карманы, на подобіе того какъ ревнители воскреснаго благочестія прячутъ свой молитвенникъ. Я самъ, своими глазами, видѣлъ одного изъ этихъ господъ, пользующихся любовію и покровительствомъ Англичанъ: онъ попался въ плѣнъ казакамъ, и когда они стали искать зашитыхъ денегъ въ кушакъ, то нашли вмѣсто того двадцать штукъ носовъ..

Какъ триста лѣтъ тому назадъ, такъ и въ 1829 году, Турки, осажденные въ Силистріи, доставляли себѣ удовольствіе отрубать головы Русскимъ плѣннымъ и перебрасывать ихъ черезъ стѣны къ осаждающимъ. Въ сраженіи при Кулевчѣ, утромъ, Турки напали съ значительными силами на два батальона Русскихъ и оттѣснили ихъ, хотя при этомъ сами попали въ ловушку, покинувъ свои неприступныя позиціи. Но въ этотъ короткій промежутокъ, когда перевѣсъ былъ на ихъ сторонѣ, они успѣли дать волю своей скотской кровожадности, изуродовали мертвыхъ и мучили самымъ ужаснымъ образомъ живыхъ, попавшихся къ нимъ въ руки. Наши войска застали ихъ въ то время, какъ они поджаривали Русскихъ плѣнныхъ ⁵⁾. Они были страшно возмущены и рѣшили не давать никому пощады. Офицеры сулили по червонцу за каждаго живаго плѣнника, но солдаты говорили: «Кровь требуетъ крови!» и съ яростью убивали всѣхъ безъ пощады, не вникая никакимъ молебамъ о помилованіи. Турокъ заносчивъ и жестокъ въ счастіи, но какъ только побѣда не на его сторонѣ, онъ сейчасъ же начинаетъ трусить и подличать; доказательствомъ можетъ служить вся вторая половина нашего похода.

24-го Іюня явились мы въ карантинъ; насъ обкурели, какъ обыкновенно, дымомъ зажженного навоза и пропустили дальше. Точно гора свалилась съ плечъ! Мы тотчасъ погнали впередъ и черезъ полчаса были уже въ лагерь, въ Главной Квартирѣ. Намъ указали госпиталь, помѣщавшійся въ большой палаткѣ; я вошелъ и спросилъ дежурнаго врача. Представьте мое удивленіе: на встрѣчу мнѣ вышли доктора Даль ⁶⁾ и Паукеръ. Черезъ минуту подошелъ и Бейерсдорфъ, и вмѣсто привѣтствія началъ жаловаться на войну. Аптекарь Тромпетеръ оказался тоже Ревельцемъ, и мы всѣ тотчасъ же отправились праздновать Ивановъ день въ палатку къ Бейерсдорфу, котораго звали Иваномъ.

II.

Отъ Шумлы до Адрианополя.

Дня два прошло безъ всякаго дѣла; я не зналъ, останусь ли при Главной Квартирѣ. Наконецъ докторъ Генеральнаго Штаба Виттъ назначилъ меня главнымъ докторомъ въ походномъ госпиталѣ на передвижномъ пунктѣ. Мнѣ дали большую палатку въ госпитальномъ отдѣленіи, и мы, т. е. Даль, Паукеръ и я, размѣстились въ ней очень удобно. Инвалидный солдатъ служилъ мнѣ лакеемъ и кучеромъ.

⁵⁾ Не правда-ли, лордъ Беконсфилдъ, было бы утѣшительно, если бы продолжалось въ Европѣ владычество подобныхъ людей? (Примѣчаніе 1877 года).

⁶⁾ Владиміръ Ивановичъ Даль, нашъ извѣстный писатель. П. Б.

Шумла (иначе Шумна) лежит на плоской возвышенности, которая тянется верстъ на 12 или 15 и составляет часть откоса Балканскихъ горъ, спускающихся въ сѣверовосточномъ направленіи къ Дунайской низменности. Сначала ровная терраса тянется верстъ на 50 или 60 къ Юго-востоку, поворачиваетъ потомъ къ Сѣверо-востоку, повышается и получаетъ названіе Малыхъ Балканъ. Вся эта часть густо поросла лѣсомъ. На сѣверной сторонѣ течетъ рѣка Праводы, а на южной Камчикъ. Первая изъ этихъ рѣкъ впадаетъ въ Варнскую бухту, а вторая на 20 верстъ южнѣе въ Черное море. Судя по вѣсѣмъ признакамъ, правый берегъ Камчика былъ когда-то высокимъ береговымъ валомъ въ то время, когда еще не существовало Дарданеллъ, а въ Черномъ морѣ вода была на 150 футовъ выше.

Войска наши были расположены лагеремъ верстъ на 8 сѣвернѣе Шумлы. Главная Квартира находилась на Силистрійской дорогѣ. Больныхъ было немного; изъ Варны пріѣхало четыре человѣка, повидимому съ признаками чумы; ихъ отдѣлили, и они скоро выздоровѣли. Черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда была небольшая стычка на лѣвомъ флангѣ; послѣ того къ намъ навезли много раненыхъ Турокъ и казаковъ. Между ними былъ молодой офицеръ, раненный пулею въ животъ. Онъ преслѣдовалъ бѣгущаго Турка и уже выбилъ его пикой изъ сѣдла, какъ тотъ выстрѣлилъ. Пуля попала въ печень, спасти его не было возможности. Онъ зналъ это и ждалъ смерти съ великимъ спокойствіемъ. Къ вечеру его не стало. На другой день пришелъ его дядя гетманъ, и съ нимъ шесть человѣкъ казаковъ. Священникъ прочелъ молитву, и товарищи понесли гробъ при звукахъ военной похоронной музыки. Я въ первый еще разъ видѣлъ похороны на войнѣ. У старика гетмана и у казаковъ видѣлись слезы на глазахъ; глядя на нихъ, нельзя было не прослезиться.

Въ той же стычкѣ былъ захваченъ въ плѣнъ кофишенкъ великаго визиря, хорошо одѣтый молодой человѣкъ. Онъ участвовалъ въ вылазкѣ охотникомъ и хвалился, что возьметъ трехъ Русскихъ офицеровъ, но вмѣсто того самъ былъ раненъ и приведенъ къ намъ въ лагерь. Большая часть плѣнныхъ были ранены пиками въ спину, но раны были неглубоки, такъ какъ пики нарочно дѣлаются съ тупыми концами. Казаки ими не убиваютъ, а только выбиваютъ изъ сѣдла, а затѣмъ сильнымъ ударомъ по головѣ саблей или нагайкой оглушаютъ противника. Между плѣнными было также нѣсколько Некрасовцевъ, раскольниковъ, бѣжавшихъ отъ преслѣдованій изъ Россіи. Они оказались самыми злѣйшими врагами: не давали пощады никому, постоянно нападали на нашихъ изъ засады и вредили всячески. Плѣнные Турки спокойно покорялись своей судьбѣ, такъ какъ они знали, что обращаться съ ними будутъ почеловѣчески и кормить хорошо. Только одному изъ нихъ вздумалось убѣжать. Онъ неожиданно бросился на конвойнаго солдата, вырвалъ у него саблю, убилъ другаго солдата, ранилъ многихъ и скрылся въ кустахъ. Однако его скоро поймали и на первомъ же привалѣ судили военнымъ судомъ въ присутствіи прочихъ плѣнныхъ, которые, повидимому, упрекали его за его поступокъ. Его присудили къ смертной казни; вырыли яму, поставили его подлѣ нея и затѣмъ по третьей командѣ, раздалось 12 выстрѣловъ, и онъ упалъ въ могилу. И коротко и поучительно!

Зрѣлище другаго рода доставилъ и намъ и Туркамъ Дибичъ, пришедъ въ Шумлу часть своихъ войскъ съ трофеями и знатными

плѣнниками, взятыми подъ Силистріей. Тутъ были паши съ женами, дѣтьми, слугами, со всѣмъ имуществомъ, на причудливо разукрашенныхъ Турецкихъ телѣгахъ, и весь этотъ поѣздъ, при звукахъ оглушительной музыки, былъ провезенъ по низменной равнинѣ между Главной Квартирой и Шумлой. Для того чтобъ Турки могли безпрепятственно любоваться этимъ зрѣлищемъ, съ нашей стороны на время прекратили канонаду.

Карантины въ Іенизагрѣ и другихъ мѣстахъ не препятствовали подвозу съѣстныхъ припасовъ, но благодаря имъ цѣны стояли страшныя. Торговцы взяли за правило за каждый рубль, уплаченный ими ради скорѣйшаго пропуска въ карантинъ, наживать съ потребителей сто на сто; такимъ образомъ въ лагерѣ фунтъ сахару стоилъ 3 р., фунтъ сухарей 80 к., бутылка мадеры 8 р., бутылка Шампанскаго 24 р. и т. д.

Покуда вниманіе Турокъ развлекалось стычками и торжественными процессіями подъ Шумлой, а перебѣжчики передавали имъ тайныя свѣдѣнія, что мы, послѣ взятія Шумлы, двинемся черезъ Балканы, Дибичъ втихомолку перешелъ Камчикъ въ 60 верстахъ на Юго-востокъ отъ Шумлы. Въ тоже время и мы изъ Главной Квартыры должны были соединиться съ нимъ, что оказалось невыполнимымъ по причинѣ непроходимыхъ дорогъ. 4-го Іюля, въ 7 часовъ вечера, двинулись мы изъ-подъ Шумлы, между тѣмъ какъ войска, пришедшія изъ Силистріи, незамѣтно стали на наши мѣста. Больные изъ походнаго госпиталя были отправлены въ Балчикъ. Поѣздъ нашъ растянулся версты на три; и такъ какъ часто приходилось останавливаться, то госпитальныя повозки, ѣхавшія позади всѣхъ, только къ полуночи добрались до Іенибазара, гдѣ былъ назначенъ отдыхъ. 10 дней тому назадъ я тоже самое пространство проѣхалъ въ полтора часа.—Паукеръ, Даль и я то шли пѣшкомъ, то ѣхали. Ночь была тихая, теплая; молодой мѣсяцъ свѣтилъ намъ по дорогѣ. Въ Іенибазарѣ, покуда мои товарищи разбивали палатку, я пошелъ съ деньщикомъ на поиски за водой. Послѣ долгихъ исканій, въ полумракѣ, нашелъ я фонтанъ, замѣченный мною еще въ первый проѣздъ. Воды въ немъ не оказалось. Мы отправились дальше и наконецъ увидели углубленіе, въ которомъ, по моимъ соображеніямъ, должна была быть вода. Дѣйствительно, тутъ оказался ключъ, и мы наполнили бутылки. За день мы очень устали и теперь жаждали освѣжиться чаемъ. Но напрасно мы надѣялись, что удастся отдохнуть какъ слѣдуетъ: въ три часа приказано было идти дальше. Поднялась суматоха, каждый спѣшилъ перегнать другаго съ своей повозкой. Въ степи, на просторѣ, можно было скакать какъ угодно, и всѣмъ было мѣсто; но тутъ, на мосту произошла такая давка, что весь обозъ остановился. Только въ 10 ч. утра слѣдующаго дня госпиталь достигъ того мѣста, гдѣ 14 дней тому назадъ мы съ Фогелемъ варили супъ на привалѣ. Теперь отдыхъ и бульонъ были еще пріятнѣе. Въ 2 часа снова въ путь. Я вспомнилъ кратчайшую дорогу въ Девну и поѣхалъ впередъ съ Далемъ и Паукеромъ; госпитальныя фуры послѣдовали за нами, и къ 7-ми часамъ мы уже были въ Девнѣ. Мы оставались тамъ цѣлый день въ ожиданіи прихода Главной Квартыры. Въ госпиталѣ въ Девнѣ было 400 больныхъ и только одинъ докторъ. Вольные оставались большею частію безъ лекарствъ, но не чувствовали себя отъ этого хуже. Большинство страдало лихорадкой, скорбутомъ, диссентеріей. Для препровожденія

времени мы помогали доктору Бруннеру, купались въ прекрасной горной рѣчкѣ, а вечеромъ взбирались на горы, у подошвы которыхъ расположился нашъ госпиталь и любовались вѣдомъ роскошной долины, гдѣ было все кромѣ людей. Вечеромъ же слышали мы пушечные выстрѣлы съ Камчика: это Ротъ форсировалъ переправу черезъ рѣку. Мы могли бы быть тамъ, еслибъ не были привязаны къ Главной Квартирѣ. Ночью докторъ Генеральнаго Штаба Виттъ прислалъ аптекаря Арендта съ приказаніемъ явиться къ нему пораньше на слѣдующее утро.

7-го Іюля, въ 5 часовъ, мы уже были у него и получили приказъ въ 2 часа слѣдовать съ госпиталемъ № 2 за Главной Квартирой. Въ Девѣ было три госпиталя. Въ такой странѣ, какъ Турція, уходъ за ранеными и перевозка ихъ сопряжены съ величайшими затрудненіями. Такіе предметы, которые можно найти всюду въ благоустроенной Европейской странѣ, приходилось таскать съ собою, и тутъ-то являлись неожиданныя и неисчислимыя бѣды. Прекрасные проекты объ уходѣ за больными и ранеными были составлены въ Петербургѣ, и по нимъ было все изготовлено за 1500 верстъ отъ театра военныхъ дѣйствій; но горе состояло въ томъ, что въ исполненіи не все оказалось примѣнимымъ. Впервые, потому что оба фактора, отъ которыхъ зависить благосостояніе солдата въ военное время, не имѣли органической связи, а были кое-какъ слѣплены снаружи; во вторыхъ—въ другомъ факторѣ, т. е. докторахъ и фельдшерахъ, чувствовался недостатокъ. Комисаріатскихъ крысъ и интендантскихъ чиновниковъ было больше, чѣмъ нужно. Изъ трехъ сотъ докторовъ, имѣвшихъ ученую степень, двѣсти уже отправились на тотъ свѣтъ, да и оставшіеся сто не долго пережили ихъ. Вновь прибывавшіе доктора принадлежали къ молодому поколѣнію; они умѣли обращаться съ болѣзнію, но не знали, какъ взяться за больныхъ, а главное не умѣли ладить съ вышеупомянутыми крысами.

Для перевозки раненыхъ было привезено изъ Петербурга въ Адрианополь множество закрытыхъ и открытыхъ экипажей безъ рессоръ и очень тяжелыхъ. Намъ пришлось таки съ ними помучиться на тамошнихъ невозможныхъ дорогахъ. Они были нагружены запасными осями, колесами, подковами, овсомъ, постельнымъ бѣльемъ, больничной одеждой и т. п.; къ каждой повозкѣ привѣшивался сзади боченокъ для воды. Для закрытыхъ экипажей, въ которыхъ можно было положить двоихъ больныхъ, требовалось по 4 лошади, кучеръ и форейторъ. Открытые экипажи были въ родѣ деревянныхъ дрогъ, на которыхъ помѣщались человекъ восемь-десять здоровыхъ, но помѣстить столько же раненыхъ не представлялось возможности. Слѣбаны были эти экипажи очень просто, но черезъ чуръ тяжело. Каждый походный госпиталь состоялъ изъ 50—80—100 такихъ фуръ; при немъ были: своя аптека, кузница, отъ 40 до 80 палатокъ со всѣми принадлежностями, кромѣ того были рубашки, чулки, халаты, постельное бѣлье, соломенные тюфяки на 200 или 300 человекъ, складной столъ для операций, нѣсколько стульевъ, хирургическіе инструменты, лубки для перевязокъ, халаты, бинты, корпія и т. д. При госпиталѣ были смотритель, комисаръ, докторъ, аптекарь, фельдшеръ. Одного часу было достаточно, чтобъ устроить подобный госпиталь въ случаѣ, если больныхъ скопилось слишкомъ много въ подвижныхъ госпиталяхъ; потомъ ихъ разсылали въ постоянные госпитали въ ближайшихъ городахъ.

Въ Девнѣ было столько больныхъ, что оказалось необходимымъ устроить два госпиталя, № 1 и № 2. Фуры ихъ были легче и въ большемъ порядкѣ, чѣмъ госпиталь Главной Квартиры; съ ними было удобнѣе переходить Балканы, и потому мнѣ приказали поскорѣе разобрать № 2 и слѣдовать съ нимъ за Главной Квартирой. Мы приготовились къ назначенному времени, но выступленіе было отложено сначала до 12 часа, а потомъ до 3¼. Весь вагенбургъ оставленъ покаместъ въ Девнѣ и долженъ былъ послѣ перебираться за Балканы; тѣмъ не менѣе поѣздъ нашъ оказался страшно длиннымъ и подвигался крайне медленно. Былъ душный, жаркій день; солдаты изнемогали подъ тяжестью амуниціи: кромѣ тяжелого ружья и сумки съ патронами, они должны были тащить на себѣ ранецъ, мундиръ, толстую шинель, манерку съ водой, провіантъ на 10 дней, т. е. 20 ф. сухарей. Многие изъ нихъ не въ состояніи были идти и падали; другіе выбрасывали свои сухари, иные просто ложились въ кусты и догоняли насъ уже ночью. Цѣлый день вплоть до вечера всѣ фуры, полковыя и госпитальныя, были наполнены отсталыми. Много солдатъ умерло въ дорогѣ. Дѣла было много, а толку выходило мало. Кто посмотрѣлъ бы на насъ въ дорогѣ въ этотъ день, не могъ бы подумать что это самое войско побѣдоносно дойдетъ до стѣнъ Константинополя.

Провѣхавши верстъ 10 вдоль Лемана, мы впрочемъ остановились отдохнуть подъ орѣшникомъ и пустили лошадей на траву. Поѣздъ подвигался впередъ съ невообразимою медленностью: слѣаютъ шаговъ 50 и стануть, потому что первыя фуры остановились. Такимъ образомъ проѣхали мы 12 в. въ 8 ч., а такъ какъ намъ было неизвѣстно, гдѣ назначена остановка, то мы не могли уѣхать впередъ. Въ полночь мы наполнили у ручья бутылки, поѣли сухарей и сухаго Могилевского шоколаду и залили водой. Была чудная лунная ночь, дорога красиво извивалась по долинѣ; мы и рады бы были отдаться поэтическимъ впечатлѣніямъ, но что-то мѣшало. Наконецъ попалась намъ фура съ овсомъ, на которой не пріютилось ни одного отсталого, и мы улеглись на мѣшкахъ. Утромъ (8-го Іюля) почувствовали мы, что стоимъ на мѣстѣ. Это было въ Гебеджи, за 2 версты отъ того мѣста, гдѣ мы съ Фогелемъ ночевали у срубленнаго серебристаго тополя. Приказано было слѣзть привалѣ. Въ полчаса выросъ цѣлый городъ съ улицами и площадями; только вмѣсто домовъ стояли пушки, пороховые ящики, больничныя фуры. Если остановка продолжительная, то разбиваются палатки, разводятся огонь и варятъ пищу. Черезъ полчаса послѣ сигнала къ выступленію все исчезаетъ. Около 11-ти часовъ лошади были осѣдланы и заложены, но мы не двинулись, такъ какъ тутъ начинался первый подъемъ Малыхъ Балканъ. За версту впереди насъ, голова колонны попала въ ущелье, черезъ которое съ большимъ трудомъ перетаскивали орудія и пороховые ящики. Но если остановка въ подобномъ мѣстѣ хоть минуты на двѣ, то послѣдняя фура задерживается на полдня, что и случилось съ походнымъ госпиталемъ. Между тѣмъ подѣхалъ докторъ Генеральнаго Штаба, и такъ какъ двинуться впередъ не было возможности, то онъ поручилъ мнѣ покаместъ сѣздить осмотрѣть на горѣ отдѣленіе госпиталя для чумныхъ больныхъ. Я нашелъ тамъ 49 больныхъ, у большей части были гнойныя паховыя опухоли. Докторъ Денишевскій увѣрялъ, что мышьякъ въ этомъ случаѣ очень полезенъ. Когда я вернулся, поѣздъ подвинулся впередъ шаговъ на двадцать.

Въ аррьергардѣ я встрѣтилъ евангелическаго пастора Долля изъ Главной Квартіры. Передъ нимъ стоялъ полный котелокъ супу; конечно я тоже принялъ участіе въ скромной трапезѣ; варево состояло изъ крупы, воды и приправлено было саломъ. Къ 4 часамъ пополудни мы подвинулись едва-едва шаговъ на двѣсти, и къ ночи достигли знаменитаго ущелья. Мѣсто было удобно для ночевки, но такъ какъ проѣзжавшіе мимо курьеры рассказывали, что впереди дорога еще хуже, такъ что артилерійскій паркъ невозможно будетъ провезти, то я и вернулся назадъ къ Витту попросить его, чтобъ онъ позволилъ мнѣ съ двумя товарищами ѣхать впередъ въ Камчикъ, гдѣ, можетъ быть, потребуется наша помощь; при подвижномъ же госпиталѣ могъ остаться докторъ Леони (изъ Мюнхена, вполнѣдствіи умершій отъ чумы) съ другими докторами.

Было такъ темно, что въ двухъ шагахъ ничего нельзя было различить; но моя Турецкая лошадка шла ровнымъ шагомъ и привезла меня прямо въ лагерь Главной Квартіры. Здѣсь было такое множество палатокъ, что отыскать главнаго штаба доктора было трудно. Однако мой пріѣздъ оказался кстати: только что передъ тѣмъ было получено приказаніе прислать нѣсколько докторовъ на правый берегъ Камчика, гдѣ было много раненыхъ. Главный докторъ отправилъ насъ троихъ. Изъ лагерьа выбратъся опять на дорогу было еще труднѣе, но моя лошадка и тутъ не сплосала. Мы были очень довольны своимъ назначеніемъ и на разсвѣтѣ поѣхали, забравъ съ собою все нужное для перевязокъ и что было съѣстнаго. Повозка наша осталась при госпиталѣ.

Проѣхавши черезъ ложину, гдѣ столпились въ безпорядкѣ лошади, верблюды, повозки и пушки, поднялись мы на гору и вѣхали въ чудесный дубовый лѣсъ. Въ тѣни деревьевъ шли солдаты 7-го корпуса; они были также бодры и веселы, какъ и мы. Дорога то шла лѣсомъ, то поднималась на высоты, откуда открывался видъ на густо-заросшія долины и голубую даль. Небольшіе клочки вспаханной земли указывали на присутствіе человѣка, но вокругъ насъ все было пусто. Часа два спустя, наѣхали мы на казацкій пикетъ у раззореннаго села. Съ горы вдругъ открылось глазамъ нашимъ Черное море, а глубоко внизу въ мрачной долинѣ увидали мы первый Турецкій сельскій дворъ, который показался мнѣ милѣе всякихъ виллъ Италіи, хотя тамъ все полно жизни и движенія, а здѣсь вокругъ была пустыня. Еще нѣсколько верстъ, и мы вѣхали въ село, гдѣ не осталось ни одного жителя. Мы думали, что найдемъ въ садахъ какіе нибудь плоды или овощи, но кромѣ сорной травы въ изобиліи ничего другаго не было. На деревьяхъ висѣли неспѣлые персики, абрикосы; виноградъ тоже еще не вызрѣлъ; пришлось только напиться водицы изъ свѣтлаго ручейка. Мы уже думали отдохнуть тутъ и сварить чего нибудь; но казаки сказали, что до Камчика только двѣ версты. Мы проѣхали незамѣтно 30 верстъ. Скоро открылась поляна въ лѣсу, гдѣ усела Дервишъ-Джавана были устроены для раненыхъ шалаши изъ вѣтокъ. У доктора Шлегеля (вполнѣдствіи президента Медико-хирургической Академіи въ Петербургѣ) было пропасть дѣла, и мы стали ему помогать въ перевязкѣ раненыхъ, которыхъ доставляли съ мѣста переправы. Изъ зеленыхъ шалашей образовался цѣлый госпиталь, въ которомъ насчитывалось до 600 больныхъ. Онъ былъ расположенъ въ лѣсу, на лѣвомъ берегу ручья, впадающаго въ Камчикъ, шаговъ на тысячу отъ того мѣста.

Весной и послѣ сильныхъ горныхъ дождей Камчикъ (въ древности Панисть) наполняется водой и течетъ быстро; теперь это была узкая рѣчка съ желтою, глинистою водою и у Дервишъ-Кіюя не глубже 5—6 футовъ. Густой буковый въ перемежку съ дубовымъ лѣсъ покрываетъ съ южной стороны правый берегъ вплоть до крутого откоса. Здѣсь стояли Турецкія батареи, лѣвый же отлогій берегъ у Дервишъ-Кіюя заросъ низкимъ кустарникомъ. Перейти рѣку въ этомъ мѣстѣ было бы очень удобно, не будь непріятельскихъ батарей. Ниже этого селенія и выше густой лѣсъ покрываетъ также и лѣвый берегъ, который становится крутымъ. Русскимъ все таки удалось, подъ сильнымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, поставить на лѣвомъ берегу редутъ, который черезъ полчаса принудилъ замолчать непріятельскія батареи. Унасъ при этомъ было раненыхъ 400 человекъ, число же убитыхъ мы неизвѣстно. Турки всполошились и побѣжали, точно самъ чортъ за ними гнался. Наши, безъ большихъ потерь, овладѣли батареей, стоявшей на горѣ верстъ за пять отсюда. Турокъ и слѣдъ простылъ.

10-го Юлія пріѣхалъ Виттъ въ Дервишъ-Кіюй, для больныхъ пригнали быковъ, и мы, наконецъ, послѣ долгаго поста, поѣли съ наслажденіемъ классическаго бульону и угостили новопривывшихъ товарищей. Ни вина, ни овощей не было, но вмѣсто того я прочелъ изъ Фауста сцену между Мефистофелемъ и ученикомъ. Должно быть, Дріады и Гамадриады были сильно поражены неслыханными звуками варварскаго языка!

Виттъ приказалъ намъ, по окончаніи работы, ѣхать вслѣдъ за Главной Квартирой. Въ 5 часовъ пополудни отправились мы въ путь, надѣясь скоро догнать ее, такъ какъ мы знали, что остановка на ночь назначена за 20 верстъ дальше. Но дороги попортились отъ дождя, и намъ пришлось поневолѣ сѣсть въ повозку. Опять поѣхали мы одни, безъ провожатаго и конвоя, черезъ лѣсъ, гдѣ по обѣимъ сторонамъ дороги лежали убитые. Проѣхавъ 12 верстъ, къ ночи мы остановились въ селѣ, въ которомъ стоялъ казацкій пикетъ. Жители всѣ выѣхали. На другой день дорога шла по горамъ и долинамъ, черезъ дубовые лѣса, мимо фруктовыхъ деревьевъ и высоко вьющихся виноградныхъ лозъ. Налѣво мелькало по временамъ Черное море и, наконецъ, передъ нами открылась долина съ зелеными шалашами, гдѣ наканунѣ ночевала Главная Квартира. Мы сѣли обѣдать подъ грушевымъ деревомъ. На нижнихъ его вѣткахъ уже не было ни одной груши; но мой Дмитрій влѣзъ на верхушку и безъ жалости обломалъ нѣсколько вѣтокъ, покрытыхъ плодами. Мы обрадовались и неспѣлымъ грушамъ. Далѣе дорога все шла въ гору черезъ лѣсъ; иногда попадались паппи и поля, засѣяныя пшеницей. Часа черезъ четыре доѣхали мы до слѣдующей лагерной стоянки и расположились тутъ ночевать. Мы застали нѣсколько человекъ казаковъ и отсталыхъ мародѣровъ, которые поймали гдѣ-то быка и тутъ же убили его. День закончился чаемъ и чтеніемъ Гете. Это происходило на вершинѣ одного изъ Балканскихъ отроговъ. Ночью было очень холодно, и мы поспѣшили раню утромъ уѣхать. Крутой спускъ тянулся на 4 версты и оканчивался обширной долиной, по которой казацкій полкъ преслѣдовалъ 5,000-й Турецкій отрядъ. Здѣсь, на лѣвомъ берегу ручья, увидали мы первое Болгарское село. Женщины замѣчательно красивы: темнокаштановые волосы, огненные черные глаза и благородныя очертанія носа свидѣтельствуютъ

объ ихъ Римскомъ происхожденіи. Онѣ ласково кланялись намъ, крестились и приговаривали: «добрь! добрь!» Казалось, онѣ этимъ хотѣли выразить свое довѣріе. Одинъ Болгаринъ даже подаль мнѣ кусокъ жаренаго мяса со словами: «Русскъ добръ! Добрь Русскъ!» Когда Турки принуждены бывали бѣжать изъ какой нибудь деревни, они угоняли съ собой всѣхъ жителей, которые теперь сотнями возвращались на арбахъ, запряженныхъ волами, въ свои покинутыя жилища. Долина разстилалась до самаго Чернаго моря. Передъ нами былъ заливъ Мисиврія, въ которой флотъ нашъ стоялъ на якорѣ. За день передъ тѣмъ городъ сдался генералу Крейцу. Въ 8 верстахъ отъ Мисиврія нагнали мы Главную Квартирu и весь слѣдующій день, 12-го Іюля, отдыхали.

Таковъ былъ знаменитый переходъ черезъ Балканы, за который Дибичъ по справедливости получилъ названіе Забалканскаго. Онъ представлялъ затрудненія для артилерійскаго парка и тяжелыхъ фуръ; но другая дорога, лежавшая западнѣе, была бы еще труднѣе, такъ какъ шла черезъ горы и ущелья на вышинѣ 5000 ф. надъ уровнемъ моря. Мы-медики втроемъ проѣхали со всѣми перерывами эту дорогу въ 110 верстъ отъ Шумлы до Мисиврія въ 8 дней. Поѣздка напоминала путешествіе по Швейцаріи, съ тою разницею, что вмѣсто гостинницъ мы ночевали въ палаткахъ, а по дорогѣ попадались вмѣсто туристовъ только мертвыя тѣла. Но Балканы въ восточной части далеко не такъ величественны, какъ Альпы въ Швейцаріи. Имъ недостаетъ свѣтлыхъ озеръ, горныхъ потоковъ, снѣговыхъ вершинъ и, главное, человѣческихъ существъ, селъ и городовъ. За то Балканы покрыты чудесными лѣсами: такихъ дубовъ и буковъ я нигдѣ не встрѣчалъ въ Швейцаріи.

Послѣ обѣда я опять вернулся въ городъ къ генералу Крейцу, который наканунѣ упалъ съ лошади. Мисиврія расположена на косѣ, выдающейся на полверсты въ море и соединенной съ твердой землею узкимъ, низменнымъ перешейкомъ. По обѣимъ сторонамъ—бухты, представляющія удобныя якорныя стоянки для кораблей. Въ сѣверной, которая лучше другой, стояли наши корабли, прибывшіе изъ Одессы; флотъ же стоялъ на рейдѣ. Къ югу видѣлся большой заливъ Бургасъ, и по берегамъ его Ахіолы, Бургасъ, Зицболъ и много другихъ селъ. Видъ берега съ его выступами напоминалъ мнѣ Италію, гдѣ также предгорія спускаются прямо въ море. Но Мисиврія очень некрасивый городокъ, безъ зелени, и вокругъ ничего кромѣ наноснаго песку. 4000 ч. гарнизона черезъ полчаса сложили оружіе, но кавалерія, человѣкъ 500, спаслась бѣгствомъ. Плѣнные, какъ терпѣливое стадо овецъ, стояли на берегу; имъ позволили продавать свое имущество. Даль пріобрѣлъ хорошую лошадь съ сѣдломъ и сбруей за два червонца. Къ нашему злополучію, въ городѣ не нашлось ни сахару, ни вина, ни хлѣба, именно въ чемъ мы больше всего нуждались.

На другой день, 13-го Іюля, въ 4 часа пополудни, поднялся весь лагерь, и мы съ нимъ. Гусары затянули веселую пѣсню. Виттъ и я ѣхали рядомъ; наши вьючныя лошади слѣдовали за нами. Всѣ поѣхали быстро и весело, совсѣмъ не такъ, какъ на переходѣ черезъ Балканы. У деревни Аллакаріи подѣхали мы къ Бургасскому заливу, мимо хутора Юсуфа-паши. Вправо земля, слегка поднимаясь, образовала водораздѣлъ между рѣками Чумусомъ на Сѣверѣ и Айдосомъ на Югѣ. Мы повернули на Западъ, прямо къ Айдосу. Во-

кругъ желтѣли поля съ зрѣлой пшеницей, но не видно было ни жилищъ, ни деревьевъ, ни воды, ни людей. На Востокѣ виднѣлись Ахіолы, расположенные какъ и Мисиврія, на косѣ; къ Югу Бургасъ, взятый нами наканунѣ. Между деньщиками отличался особенно слуга Даля Алеша своею глупостью. Мы часто смѣялись надъ нимъ, но въ этотъ вечеръ онъ съигралъ съ Паукеромъ и со мной жестокую шутку. Мы отстали отъ другихъ. На дорогѣ лежалъ больной Турокъ, котораго нельзя было оставить безъ помощи. Въ это время къ намъ подошелъ Алеша. На вопросъ о лошадяхъ, везшихъ багажъ, онъ отвѣчалъ намъ, что «Господь знаетъ чего онъ не двигаются съ мѣста!» Мы съ Паукеромъ повернули назадъ; ѣхали, ѣхали, между тѣмъ уже стемнѣло, нѣтъ ни людей, ни лошадей! Потерявъ надежду отыскать ихъ, мы отправились въ лагерь и пріѣхали къ 11-ти часамъ. Послѣ долгихъ распросовъ, наконецъ, мы нашли палатку Даля и тутъ же Алешу, который ухмылялся. Оказалось, что онъ пошутилъ! На его горе, тогда было въ модѣ носить всегда казацкую нагайку. У насъ тоже были нагайки...

На слѣдующій день, 14-го Іюля, поднялись мы рано утромъ и поѣхали вмѣстѣ съ пасторомъ Генеральнаго Штаба, который по случаю воскреснаго веселаго дня щедро угощалъ насъ цитатами изъ Библии въ отместку, можетъ быть, за изреченія Мефистофеля изъ Гете. Въ Греческомъ селеніи Румиликіойѣ, жители приняли насъ какъ друзей. Стоявшая у фонтана дѣвушка напоила насъ свѣжею водою изъ кувшина античной формы и ласково кивнула головой въ отвѣтъ на наше благодарственное привѣтствіе. У дверей, на изгородяхъ, стояли жители и смотрѣли, покуда мы проходили: такого зрѣлища здѣсь не бывало въ продолженіе многихъ столѣтій. По сжатымъ пшеничнымъ полямъ шли мы еще версты двѣ и вдругъ очутились передъ узкой глубокой ложиной, отдѣлявшей высокую равнину, по которой мы ѣхали отъ рѣчной долины Айдоса. Съ трудомъ и большою потерей времени перевезли мы тяжелыя фуры; кавалерія перебралась довольно скоро. Тутъ передъ нами разстилалась равнина, простирающаяся съ небольшими перерывами вплоть до самой Византіи. За 10 верстъ впереди насъ лежалъ Айдосъ; его семь бѣлыхъ мечетей привѣтливо бѣлѣли на темной зелени каштановыхъ и тутовыхъ деревьевъ. Передъ городомъ стоялъ лагерь корпусъ Рота, въ Румиликіойѣ—корпусъ Ридигера. Наканунѣ четыре полка изъ корпуса Рота взяли городъ штурмомъ. 10,000 Турокъ бѣжали при первомъ же натискѣ уланъ; часть ихъ погибла въ болотѣ, большая же часть спаслась бѣгствомъ въ Карнабатъ, который въ тотъ же день былъ взятъ казаками. Благодаря этимъ ежедневнымъ побѣдамъ, духъ войска такъ поднялся, а Турки напротивъ такъ начали трусить, что война стала скорѣе похожа на человѣческую травлю. Въ Айдоcъ не осталось ни одного Турка: всѣ убѣжали вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Оставшіеся Болгары употребляли крестъ какъ свидѣтельство благонадежности, и съ ними обращались хорошо. Въ часъ дня вѣхали мы въ городъ и принялись разыскивать себѣ помѣщеніе. Кто вошелъ изъ первыхъ, тѣмъ достались лучшіе дома. Послѣ долгихъ поисковъ намъ удалось найти два дома для доктора Генеральнаго Штаба и для себя. Мы тотчасъ же овладѣли ими. Съ приближеніемъ Русскихъ, Турки начали было жечь и грабить, разбивали бочки съ виномъ, разоряли улья, выпускали шерсть изъ матрацовъ, въ надеждѣ пожитьея спрятанными сокровищами. Посреди этого хаоса и ужасовъ разрушенія инго-

да попадались мертвыя тѣла Турокъ. Намъ достался домикъ, гдѣ, судя по разломаннымъ, валявшимся станкамъ, жилъ ткачъ. Наконецъ, подошли наши люди, и мы устроились по домашнему. Въ саду росли Турецкіе бобы, что было очень пріятно послѣ пересохшихъ сухарей. На дворѣ попалась забытая курица! Мы вычистили одну комнату и легли отдыхать послѣ обѣда; оно было необходимо послѣ сегодншняго труднаго перехода въ сильнѣйшій жаръ. Въ сѣдншнемъ домѣ помѣстился Вейерсдорфъ съ своей аптекой. Люди наши отправились на добычу и нанесли всякой всячины: соли, веревокъ, дегтю, молотковъ и т. п. Они были очень довольны, что приобрѣли даромъ такое множество вещей, хотя съ собой ихъ и нельзя было унести.

На другое утро мы нашли, совершенно въ сторонѣ, просторный домъ съ прекраснымъ балкономъ, садомъ и фонтаномъ. Мы сейчасъ же перешли туда. Для своихъ больныхъ тоже намъ удалось найти удобныя помѣщенія. Дибичъ жилъ въ домѣ великаго визиря, Ротъ въ домѣ паши.

Айдосъ расположенъ по отлогому склону восточнаго отрога Большихъ Балканъ. Тотчасъ же за городомъ къ Сѣверу стѣной поднимаются крутые, голые, сѣрые утесы, которые при утреннемъ солнцѣ красиво отбѣиваютъ низкія плоскія красныя крыши и бѣлые минареты мечетей на темной зелени деревьевъ. Для оживленія картины недоставало только моря или рѣки. Въ городѣ много колодезевъ и фонтановъ; вода проведена, вѣроятно, съ плоской возвышенности. Оттуда открывается величественный видъ на городъ, на нашъ лагерь и на обширную равнину, по которой далеко-далеко вьется дорога въ Адрианополь. Въ городѣ узкія, кривыя улицы, по обѣимъ сторонамъ тропинки для пѣшеходовъ; на нѣкоторыхъ, болѣе широкихъ улицахъ есть также тропинки для верховыхъ. Кромѣ домовъ великаго визиря и паши, окна нигдѣ не выходятъ на улицу. На базарной площади множество досчатыхъ лавочекъ, и между ними узкіе проходы. Тутъ же стоитъ главная мечеть съ прекраснымъ колодеземъ при входѣ во дворъ. Между мраморными плитами могилъ пестрѣютъ яркія мальвы. У дверей мечети стоитъ Русская стража. Не смотря на долготѣнее подчиненіе чужеземному владычеству, въ обращеніи Болгаръ не видно привычки къ раболѣпству. Въ первые дни послѣ нашего вступленія въ Айдосъ, они намъ низко кланялись, снимали шапки (въ противность обычаю, такъ какъ они должны кланяться приложивъ руку къ груди), но вскорѣ ободрились и не пугались суроваго обращенія солдатъ, однимъ словомъ скоро вошли въ обычную колею. Особенно торговки, тотчасъ же принявшія за свои дѣла, отличались развязностью и смѣлостью. Въ первый разъ видѣлъ я нашихъ солдатъ въ покоренномъ городѣ, и съ удовольствіемъ замѣтилъ, какъ сильна въ нихъ подчиненность. Если иногда они хотѣли обидѣть какого нибудь Болгарина, то ему только стоило пригрозить: «капитану скажу», и его тотчасъ оставляли въ покоѣ.

Скоромъ изъ Бургаса наѣхали маркитанты съ Французскими винами, сахаромъ, чаемъ, сукнами, платками и т. п. Нашелся даже Турокъ; открывшій свою кофейню. Греческіе священники вернулись назадъ, и скоро городъ будетъ оживленъ по прежнему. Турецкіе бобы, огурцы, лукъ, груши и сливы, все очень дешево. Тузовыя ягоды, хорошія, крупный сортъ, только теперь поспѣвають (въ Астрахани онѣ созрѣваютъ въ Апрѣлѣ и Маѣ). Арбузовъ и дынь еще не видно, тогда какъ тамъ, помню, я покупалъ ихъ въ началѣ Іюля. Жаръ уже де-

сять дней стоять невыносимый, ночи сухія и теплыя. 25-го Іюля была сильная гроза, первая, которую мы испытали на южной сторонѣ Балканъ, и въ воздухѣ посвѣжѣло.

Въ Айдосѣ мы прожили двѣ недѣли. Въ хорошо устроенномъ госпиталѣ сразу оказалось 250 больныхъ, и число ихъ умножалось съ каждымъ днемъ. Перемежающіяся лихорадки скоро уступали дѣйствию хинины; воспаленій не было, но приливы крови къ головѣ и разстройство желудка попадались довольно часто. У 50 человѣкъ, получившихъ раны при взятіи Айдоса, былъ тетанусъ.

Въ сравненіи съ лишеніями, испытанными нами на походѣ изъ Шумлы въ Айдосъ, мы теперь сибаритствовали въ нашемъ Болгарскомъ домѣ. Къ намъ переѣхалъ пасторъ Долль, которому гораздо больше понравилось у насъ, чѣмъ у своихъ единовѣрцевъ въ городѣ, хотя онъ часто грозилъ намъ пальцемъ, когда мы пѣли студенческія пѣсни: такихъ онъ еще никогда не слыхалъ. Въ виноградникахъ мы собирали неспѣлыя шишки кукурузы, мелкіе арбузы, дыни и ѣли ихъ въ видѣ овощей, или варили кислый супъ изъ неспѣлаго винограда и тутовыхъ ягодъ; дессертомъ у насъ были отличный медъ, рисъ, изюмъ. Комендантъ, котораго я лѣчилъ, прислалъ мнѣ два свѣжихъ хлѣба; они показались намъ сущей амврозіей! Короче сказать, мелочи эти доставляли намъ всякій день новое удовольствіе. Поэтому вы можете себѣ составить понятіе о нашей жизни и о странѣ, гдѣ мы находились. Къ полнотѣ счастья, въ Айдосѣ не было чумы. Солдатамъ и въ особенности нашимъ деньщикамъ, приходилось чистить грязные Турецкіе дома, трогать руками старую домашнюю утварь, лохмотья, выбрасывать цѣлыя кучи вонючей шерсти изъ тюфяковъ и подушекъ, валявшихся по комнатамъ; на улицахъ лежали трупы, которые заражали воздухъ; ихъ нужно было тоже убрать. Будь только малѣйшее расположеніе къ зараженію, намъ бы не избѣжать его. На площади разбили палатки на 200 больныхъ; въ просторныхъ прохладныхъ магазинахъ тоже устроили 250 кроватей со всѣми принадлежностями; тутъ же помѣщались кухня, аптека и прислуга. Къ сожалѣнію Даль крѣпко захворалъ (Hemitritäus) вскорѣ по пріѣздѣ; но тутъ подѣхали доктора изъ Вильны и Берлина. Въ тоже время подошли резервы и госпитальныя фуры изъ Девны. Пришла вѣсть о взятіи Эрзерума и возбудила въ насъ нетерпѣливое желаніе идти дальше.

Наконецъ, 28-го Іюля 1829 года, въ 4 часа пополудни, Главная Квартира выступила въ Сливну, гдѣ укрѣпились Турки. Мы готовились дней черезъ 6.—7 увидать Византію, услышать колокольный звонъ на Софіи. Солдаты горѣли мужествомъ, Турки были въ неопisanномъ страхѣ. Я поручилъ госпиталь доктору Леони, самъ же принялъ на время дороги госпиталь № 1. Даль выздоровѣлъ, но Паукеръ захворалъ и ѣхалъ въ больничной фурѣ. Въ Карнабатъ, 23 версты, пріѣхали мы въ 10 ч. вечера, въ свѣтлую лунную ночь. Весь слѣдующій день ѣхали низомъ, все на Западъ вдоль Айдосской горной террасы. Я ѣхалъ верхомъ впередъ и на горѣ остановился взглянуть на нашъ поѣздъ; онъ растянулся по крайней мѣрѣ на 4 версты, чтó возможно только на войнѣ съ Турціей, потому что вокругъ насъ все было тихо. Когда госпиталь поровнялся съ горой, я присоединился къ нему, и скоро всѣ остановились обѣдать. На трудныхъ мѣстахъ поѣздъ двигался такъ медленно, что мы съ госпиталемъ только къ полуночи добрались до мѣста ночлега.

Погода была холодная и вѣтряная; но такъ какъ мы рассчитывали на другой день рано утромъ отправиться дальше, то и не поставили себѣ палатокъ. Въмѣсто того, пришлось простоять тутъ цѣлый день, потому что Дибичъ хотѣлъ дать Туркамъ время сосредоточить силы въ Сливнѣ, чтобы потомъ, какъ мухъ, уничтожить всѣхъ однимъ ударомъ. 31-го Іюля утромъ поднялись мы съ мѣста вслѣдъ за 6-мъ корпусомъ. Ожидали сраженія подъ Сливной; мы были готовы. За 8 верстъ отъ города былъ данъ небольшой роздыхъ. Паукеръ лежалъ больной въ повозкѣ, а Даль и я присоединились къ Генеральному Штабу и все время сраженія пробыли въ свитѣ Дибича. Дѣло продолжалось не болѣе получаса. 20,000 Турокъ бѣжали въ смятеніи; наши егеря проникли въ городъ, и мы могли видѣть, какъ спасавшійся непріятель длинными извилистыми линіями взбирался на горы по ту сторону Сливны. Къ 3-мъ часамъ пополудни все было кончено, и тутъ начиналась наша работа. Госпиталь помѣщался на южной сторонѣ города. Докторъ Паукеръ выползъ изъ своей фуры; тутъ же былъ и докторъ Шлегель. Съ нашей стороны было мало раненыхъ, Турокъ же гораздо больше. Одному Турецкому офицеру, молодому человѣку, оторвало ядромъ обѣ ноги; передъ смертью онъ подарилъ мнѣ свой Турецкій молитвенникъ и цинковое кольцо съ печатью. Я ихъ берегу.

Сливна (Селимно), гдѣ, говорятъ, выдѣлывается лучшее розовое масло, лежитъ въ ущельи у подошвы Балканъ, склоны которыхъ здѣсь покрыты лѣсами, фруктовыми садами и виноградниками. Ущелье расходится къ Югу, и при самомъ началѣ его растетъ прекрасная платановая роща. Посреди небольшого, но чистенькаго, хорошенькаго городочка протекаетъ ручей. Пожаръ истребилъ много домовъ. Вечеромъ же всѣ жители, хрістіане, и во главѣ ихъ евѣнники, явились въ Главную Квартіру. Слухи, доходившіе изъ покоренныхъ городовъ, внушали довѣріе къ Русскимъ. Трофеи заключались лишь въ 8 пушкахъ, нѣсколькихъ знаменахъ и плѣнныхъ. Много шуму изъ пустяковъ. На слѣдующій день, 1-го Августа, хотѣлъ я отправиться съ своимъ больнымъ, но уже не въ состояніи былъ этого сдѣлать. Еще наканунѣ вечеромъ у меня съ головою болью обнаружилась лихорадка. Даль отправилъ меня въ лазаретную фуру къ Паукеру, гдѣ я и пролежалъ безъ памяти семь дней. Ужаснѣйшая головная боль и бредъ не прекращались ни днемъ, ни ночью. Только помню, что я точно такъ же велѣлъ себѣ приставить 12 пѣвковъ къ вискамъ и что потомъ у меня всякій день сильно шла кровь носомъ. Помнится мнѣ также, въ рѣдкія минуты сознанія, что я сосалъ кусокъ каменной соли, который старательно берегъ подъ подушкой, а жажду утолялъ съ помощью камышевой палочки изъ сосуда съ водой поставленнаго между мной и Паукеромъ. На 7-й день у меня сдѣлалась сильная испарина, а на 8-й стали мнѣ давать по 2 грана хинины. Сознаніе скоро вернулось, и черезъ три дня я уже сидѣлъ у дверецъ нашего экипажа и пилъ черный кофе. Мой деньщикъ и деньщикъ Даля, захворавшіе въ одно время со мною, оба умерли. Вслѣдствіе убійственнаго жара, въ короткій переходъ отъ Сливны до Адрианополя, погибло множество людей. Даже лошади не выдерживали и падали. Моя лошадь пропала съ сѣдломъ и сбруей.

То были самые тяжкіе дни мой во все время похода; но съ прибытіемъ въ Адрианополи, я почувствовалъ себя достаточно крѣпкимъ, чтобы снова. приняться за дѣло.

(Окончаніе будетъ).

Воспоминанія доктора Зейдлица

о турецкомъ походѣ 1829 года ¹⁾.

III.

Адріанополь.—Отъ Адріанополя до Константинополя.

Въ Буюкъ-Дербентѣ, въ 40 верстахъ до Адріанополя, пришелъ я въ себя. Здѣсь надо было устроить госпиталь, такъ какъ въ Главной Квартирѣ состояло 800 больныхъ. Ихъ оставили въ Буюкъ-Дербентѣ подъ надзоромъ доктора Сахарова. По отзыву Даля, между ними было нѣсколько случаевъ дисентеріи, большая же часть страдала перемежающейся лихорадкой, которая, тотчасъ по вступленіи войскъ въ бассейнъ Румеліи, приняла злокачественный характеръ, оказавшійся гибельнымъ для нашей арміи. Къ довершенію тревоги, въ Камчатскомъ резервномъ полку, пришедшемъ вслѣдъ за нами изъ гавани Зицболля, показались на больныхъ признаки чумы. Они вышли оттуда здоровые, присоединились къ Главной Квартирѣ 5 Августа, были подвергнуты строгому осмотру, и тутъ-то 5 человекъ оказалось съ подозрительными признаками болѣзни. Тотчасъ ихъ и еще 14 человекъ, имѣвшихъ съ ними сношенія, отдѣлили и оставили въ Буюкъ-Дербентѣ. Полкъ оцѣпили, и такъ онъ дошелъ до Адріанополя, гдѣ и выдержалъ благополучно карантинъ. Также и тѣ 19 больныхъ, оставленные въ Дербентѣ, выздоровѣли и въ послѣдствіи вернулись въ Адріанополь, гдѣ ихъ однако помѣстили въ отдаленныхъ палаткахъ и продержали подъ строгимъ надзоромъ до Октября. Но и помимо чумы, стоянка въ Адріанополѣ была для насъ тягостна, а въ послѣдствіи и гибельна. Мы такъ радовались, что пойдемъ впередъ за корпусомъ Рота и что еще дня два, и наша кавалерія, уланы и казаки, будутъ поить коней въ «Прѣсныхъ водахъ» Константинополя, и вдругъ всѣ наши надежды рушились! Въ Дуле-Бургасѣ Ротъ получилъ приказаніе остановиться. А между тѣмъ бѣгущіе Турки въ смятеніи уже готовы были сжечь свою временную столицу и переселиться въ Скутари; тогда на этой *tabula rasa* возникла бы новая Византія! Въмѣсто того, благодаря дипломатіи, изъ всѣхъ силъ старавшейся препятствовать нашему дальнѣйшему движенію, наши храбрыя войска были осуждены на жестокую участь: въ мирное время въ Румеліи болѣзни стубили пятую часть изъ нихъ! Три мѣсяца прожили мы въ полнѣйшей неизвѣстности насчетъ того, что будетъ

¹⁾ См. первую книгу Русскаго Архива сего года, стр. 412.

завтра—пойдемъ ли мы впередъ, или вернемся въ Россію; благодаря этой неизвѣстности, всѣ мѣры и распоряженія имѣли въ виду только ближайшее будущее. Когда же наконецъ былъ объявленъ обратный походъ въ Россію, у насъ на рукахъ оказалось 5000 больныхъ, съ которыми мы не знали что дѣлать: за отсутствіемъ дорогъ, ихъ нельзя было ни перевезти, ни принять необходимыхъ мѣръ для защиты ихъ отъ наступившихъ холодовъ.

Хотя въ Буюкъ - Дербентъ осталось 800 больныхъ, но когда мы 12 Августа пришли въ Адрианополь, въ походномъ госпиталѣ при Главной Квартирѣ было всего 26 больныхъ офицеровъ и 226 рядовыхъ. Мы тотчасъ же заняли часть новыхъ Турецкихъ казармъ и устроили постоянный госпиталь, въ которомъ я былъ главнымъ докторомъ до самаго отъѣзда моего въ Константинополь съ графомъ А. Ѳ. Орловымъ, нашимъ чрезвычайнымъ посломъ. Представьте себѣ продолговатое двухъ-этажное, квадратное зданіе, выстроенное за городомъ, на отлогомъ холмѣ. На продольной сторонѣ 150 окошекъ, на поперечной 100; въ восточной части возвышается стройный минаретъ; передъ зданіемъ разстилается огромная лужайка, а за ней чинаровая роща, сады и кладбища. Городъ выстроенъ амфитеатромъ, среди зелени мелькаютъ плоскія крыши домовъ; стройные минареты мечетей, краше которыхъ нѣтъ нигдѣ на Востокѣ, высятся къ небу. Прибавьте еще, что 15,000 регулярнаго Турецкаго войска, которому надоѣла война, сдѣлать положить или, лучше сказать, побросать оружіе, чтобы дать мѣсто народу; толпы выходятъ къ намъ на встрѣчу съ хлѣбомъ, плодами, виномъ. Нашъ вѣздъ походилъ на торжество. Кто же могъ предполагать, что именно здѣсь, гдѣ все смотрѣло такъ привѣтливо, мы потеряемъ больше людей, чѣмъ стоила бы намъ осада Константинополя? 17 Августа у насъ уже было 1,616 больныхъ, 27 Авг. 3,666; 1 Сентября уже 4,641, тогда какъ у насъ всего войска было 13,000 чел.; слѣдовательно черезъ 18 дней третья часть лежала въ лѣжку. Намъ присылали больныхъ отовсюду, а между тѣмъ мы могли только дать имъ пріютъ и обыкновенную пищу. Да и тутъ иногда встрѣчались затрудненія, потому что нельзя было запастись всего надолго. Докторовъ было довольно, но работать приходилось свыше силъ человѣческихъ: надо было самимъ готовить лекарства, самимъ давать ихъ больнымъ; не было ни фельдшеровъ, ни больничной прислуги. Постоянное пребываніе въ госпиталѣ и усиленная дѣятельность наконецъ оказались не подъ силу самымъ ретивымъ. Тогда устроили очередь: одна половина отдыхала, покуда другая работала и, благодаря этому, изъ тридцати докторовъ, за все время до Ноября умеръ только одинъ. Впослѣдствіи, когда часть докторовъ отправилась вмѣстѣ съ войскомъ въ Болгарію, у насъ оказался въ нихъ недостатокъ; къ тому же въ Адрианополѣ появилась чума, и тамъ, какъ и вездѣ, они первые сдѣлались ея жертвами.

Адрианополь лежитъ на песчаныхъ и гинистыхъ холмахъ по лѣвому берегу Марицы. Эта довольно многоводная рѣка образовалась изъ сліянія двухъ рѣкъ—Тунджи и Арды. При соединеніи ихъ, а также и на всемъ правомъ берегу, почва низменная, плоская и болотистая; за 2,500 шаговъ далѣе поднимается нѣсколько отлогихъ холмовъ; на нихъ расположены двѣ или три деревни и нашъ госпиталь, который отдѣлялся отъ города низкой равниной; въ восточной ея части лежитъ Эски-Серай, а западная занята садами и предмѣстьями. Между городомъ и Эски-Сераемъ два рукава рѣки образуютъ

низкій островъ, заросшій великолѣпными чинарами ²⁾; тутъ расположились лагеремъ Главная Квартира и войска. Передъ госпиталемъ стояла часть артилеріи; солдаты помѣщались въ зданіи госпиталя, но скоро имъ пришлось уступить мѣсто больнымъ, которые все прибывали.

Между рѣкою и холмами, на которыхъ построенъ городъ, тянется узкая полоса земли, составляющая продолженіе города: тутъ живутъ Болгары и Евреи. Весною вода заливаетъ всю эту мѣстность. По ту сторону Адрианополя снова песчаная плоскость; только на Востоѣ виднѣется возвышеніе, гдѣ добываютъ мраморъ. Въ городѣ 80,000 жит., изъ которыхъ половина христіане. Въ серединѣ города за старыми стѣнами идутъ узкія, кривыя улицы; выдающіяся надстройкі домовъ сходятся наверху и образуютъ въ иныхъ мѣстахъ родъ сплошной крыши. Въ ея улицы шире, много товарныхъ амбаровъ, складовъ, кое-гдѣ попадаются сады въ перемежку съ домами; есть также торговые ряды крытые и некрытые, но площадей нѣтъ ни одной. Дома большею частью деревянные; благодаря неровной почвѣ, улицы то поднимаются, то спускаются; мостовыя крайне плохи; послѣ дождя грязь вездѣ непроходимая. Въ городѣ множество фонтановъ съ свѣжей хорошей водой, проведенной издалека; въ Марицѣ же вода зеленоватая, мутная и для питья не годится, потому что въ нее спускаютъ всѣ городскія нечистоты. За городомъ, внизу, у самой рѣки, расположены кожевенные заводы, красильни и бойни. Всѣ другія мастерства находятся въ самомъ городѣ и производятся обыкновенно на улицахъ. На рѣкѣ стоитъ нѣсколько водяныхъ мельницъ. Кругомъ города есть пашни, огороды; воздѣлываются фруктовыя и тутовыя деревья, виноградъ и хлопчатая бумага; овцы и рогатый скотъ въ изобиліи; хлѣбъ плохъ. Вино здѣсь во всеобщемъ употребленіи, но не хорошо: въ красное подмѣшиваютъ для цвѣта сандалъ, а для крѣпости Capsicum. Рыбы мало, и она невкусна, оттого что живетъ въ мутной водѣ. Турки составляютъ только третью часть всего населенія; остальные жители—Греки, Болгары и Евреи. Болгары отличаются сильнымъ и красивымъ сложеніемъ; они трудолюбивы и очень общительны. Кладбища находятся къ Югу отъ города, также на правомъ берегу Марицы, между городомъ и казармами, гдѣ мы помѣщались и дальше за казармами. Наши казармы выстроены на старомъ кладбищѣ; на дворѣ у насъ изъ подъ земли всюду выглядывали кости. Зимой, когда не доставало дровъ, солдаты стали ихъ употреблять на топливо. Почва глинистая на известковой подпочвѣ; лѣсовъ по близости совсѣмъ нѣтъ.

Казармы, въ которыхъ помѣстился нашъ госпиталь, стоятъ на 1,500 шаговъ къ Сѣверо-востоку отъ города и предназначались нынѣшнимъ султаномъ для регулярныхъ войскъ. Каменная массивная постройка состоитъ изъ четырехъ корпусовъ, соединенныхъ подъ прямыми углами такимъ образомъ, что въ серединѣ образуется дворъ въ 600 шаговъ длиною и 350 шириною. По угламъ двора фонтаны съ двѣнадцатью кранами; пятый стоитъ передъ восточнымъ корпусомъ, въ которомъ мечеть. Къ внѣшней сторонѣ западнаго корпуса примыкаетъ боковой дворъ, гдѣ находятся кухни и Турецкая баня. Въ этомъ корпусѣ мы помѣстили своихъ больныхъ. Вдоль всего зда-

²⁾ Деревьевъ этихъ уже не существуетъ болѣе! Зимой, когда не доставало дровъ для госпиталя, Турки позволили вырубить свою рощу.

нія съ надворной стороны идетъ двухъ-этажная открытая галерея. Посреди южнаго корпуса надъ главными воротами находятся комнаты визиря, а угловыя помѣщенія назначены для штабъ-офицеровъ; комнаты же для оберъ-офицеровъ находятся между комнатами для рядовыхъ. Тутъ же рядомъ устроены отхожія мѣста, одно на 4 комнаты; всѣхъ 32, не считая тѣхъ, которыя при штабъ-офицерскихъ квартирахъ. Сообщаются они посредствомъ отверстій въ полу съ нижнимъ клоакомъ. Подъ домомъ проведены каналы для стока нечистотъ, но трубы всѣ были засорены. Двери всѣхъ помѣщеній выходятъ въ коридоръ. Полъ вездѣ кирпичный; въ жилыхъ комнатахъ устроены вдоль стѣнъ деревянные нары на высотѣ 6 дюймовъ. Въ маленькихъ комнатахъ помѣщалось человѣкъ 20 больныхъ, въ другихъ больше, 40—60; въ иныхъ лежало до 100 чел. Такъ какъ сѣна и соломы у насъ не было, то вмѣсто матрацовъ мы употребляли разрѣзанныя на куски Турецкія палатки; ранцы клались подъ голову вмѣсто подушекъ, а одѣялами служили шинели. Въ кухняхъ и въ банѣ устроены особые водопроводы; какъ извѣстно, бани въ Турціи нагрѣваются посредствомъ трубъ, проходящихъ подъ поломъ. Здѣсь въ казармахъ баня мраморная и отличается своимъ изящнымъ устройствомъ.

Казалось, лучше подобнаго помѣщенія для больныхъ нельзя было и найти въ мѣстности, гдѣ нѣтъ деревень. Но къ несчастію въ комнатахъ было невообразимо грязно; отхожія мѣста, которыхъ было множество, заражали воздухъ зловоніемъ. Въ большей части оконъ не было стеколъ; инныя были даже безъ рамъ; ни одна дверь не затворялась плотно. Никто не ожидалъ, что придется тутъ провести осень, а еще менѣе зиму, потому и не позаботились о необходимыхъ поправкахъ; когда же наконецъ рѣшено было, что больные зазимуютъ тутъ, уже было поздно. Самое большое зло составляли неудобныя отхожія мѣста, не имѣвшія стока и которыя нельзя было чистить. Они были неудобны и для здоровыхъ; для больныхъ же, еле державшихся на ногахъ, никуда не годились. Между тѣмъ, у насъ было 5000 больныхъ, изъ которыхъ половина страдала дисентеріей, и хотя 50 человѣкъ рабочихъ постоянно заняты были уборкою нечистотъ, все таки въ короткое время вся казарма заразилась отвратительнѣйшимъ запахомъ. Въ довершеніе бѣды, осенью потекло со стѣнъ и съ потолка, и въ нижнемъ этажѣ земляная настилка подъ поломъ превратилась въ болото. Сквозь двери и окна проникалъ холодъ и свободно разгуливалъ по нетопленнымъ комнатамъ. Всего этого было болѣе чѣмъ достаточно для появленія чумы при первомъ возможномъ случаѣ. Три мѣсяца прожили мы такимъ образомъ. Больные наши болѣею частью страдали поносами, дисентеріями, лихорадками, водянками и вообще болѣзнями брюшныхъ органовъ. Лихорадки обыкновенно оказывались смертельны, особенно же когда въ Октябрѣ онѣ начали появляться въ сопровожденіи дисентеріи. Во всей арміи, можетъ быть, было человѣкъ 500, избѣжавшихъ этой болѣзни, да и изъ этихъ счастливецевъ многіе вдругъ заболѣвали тѣмъ же по возвращеніи въ Россію, и въ такомъ случаѣ болѣзнь принимала упорный характеръ, такъ что слѣды ея долго еще гибельно отзывались на многихъ, побывавшихъ въ Турціи.

Конечно, при отдѣльныхъ случаяхъ заболѣванія, врачебная наука въ соединеніи съ хорошимъ уходомъ могла еще облегчить страданія и даже спасти жизнь, но когда эпидемія постигаетъ цѣлую армію, и

больные сотнями скучены въ одномъ госпиталѣ, тогда передъ зломъ безсильны всякія средства. Тутъ дѣло не въ лекарствахъ, а въ уходѣ за больными, чувствующими страшную слабость, равнодушіе къ жизни, и притомъ требующими постоянного поддержанія чистоты вокругъ себя. Тутъ необходимо имѣть почти столько же прислуги, сколько больныхъ, и огромный запасъ бѣлья; необходимо, чтобъ воздухъ безпрестанно очищался, чтобъ не скоплялись ни испаренія, ни нечистоты, а при такомъ громадномъ количествѣ больныхъ никакія дезинфекціонныя средства не могли помочь злу. Вдыханіе зараженнаго воздуха поддерживаетъ уже развившуюся болѣзнь и отравляетъ кровь здоровыхъ людей. Въ Сентябрѣ всѣ лихорадки перемежающіяся и ослабляющіяся начали переходить въ дисентерію, кончавшуюся смертію; всѣ выздоравливающіе заболѣвали тѣмъ же. Въ Октябрѣ отъ этой болѣзни умерло 1300 больныхъ, вслѣдствіе того, что въ Адрианопольскій госпиталь прислали изъ Кирклиссы 1500 больныхъ дисентеріей. Я неоднократно протестовалъ противъ подобныхъ перемѣщеній безнадежно - больныхъ, но все напрасно: мнѣ отвѣчали, что «войскамъ приказано отступить назадъ съ передовыхъ позицій, и при этомъ, конечно, невозможно забирать съ собою больныхъ». Изъ немобилизованныхъ еще полковъ приходили всякій день 150 — 200 человекъ, больныхъ дисентеріей; они были такъ слабы, что еле-еле могли дотащиться до госпиталя. Весь Октябрь мѣсяцъ стояла отвратительная, сырая, холодная погода, и наши больные, не имѣвшіе теплой одежды ³⁾, жестоко страдали отъ холода въ нетопленныхъ комнатахъ. При двухъ или даже четырехъ градусахъ тепла они уже мерзли, какъ мухи осенью. Въ лагерѣ отъ постоянныхъ дождей почва превратилась въ болото, гдѣ ноги вязнули по колѣно, и никакія подстилки изъ сѣна или камыша не могли защитить отъ сырости въ палаткахъ. Отсутствіе теплаго ночлега и баней были самымъ чувствительнымъ лишеніемъ для нашихъ солдатъ. Сапоги они не снимали ни днемъ, ни ночью, такъ сильно у нихъ болѣли пальцы на ногахъ и лодыжки; когда же наконецъ 16-го Октября былъ сдѣланъ осмотръ, мы были поражены: на пальцахъ была гангрена, и это не у одного или двухъ, а у двадцати или тридцати человекъ; и такъ всякій день. Тоже самое явленіе повторилось и на больныхъ въ госпиталѣ. Такъ какъ я насмотрѣлся на ужасы чумы по ту сторону Балканъ, то и распорядился, чтобъ помѣстить въ отдѣльную комнату всѣхъ больныхъ, у которыхъ послѣ лихорадки появились опухоли околоушныхъ желѣзъ или вообще какіе нибудь нарывы. Лѣченіе было поручено моему помощнику, штабъ-лекарю Леконту, и къ комнатѣ была приставлена стража. Ему было вмѣнено въ обязанность всѣхъ вновь прибывающихъ больныхъ подвергать тщательному осмотру и, при малѣйшемъ сомнительномъ признакѣ, помѣщать отдѣльно отъ другихъ. Въ срединѣ Октября пріѣхалъ къ намъ Иконниковъ, подъ вѣдѣніемъ котораго находились еще въ 1828 г. чумные госпитали въ Валахіи; онъ прожилъ при нашемъ госпиталѣ пять дней, осмотрѣлъ всѣхъ больныхъ и не нашелъ ни на одномъ признаковъ чумы. Главный докторъ Румелійскихъ госпиталей, Аммонъ, пріѣхавшій къ намъ 22-го Октября, былъ того же мнѣнія. Между тѣмъ въ Айдосѣ, Ахіолѣ, Мисим-

³⁾ Благодаря дурнымъ дорогамъ и чумѣ, открывшейся между вошиками, транспортъ съ бѣльемъ и полушубками на 2000 чел. пришелъ изъ Ахіоля въ Адрианополь только въ Декабрѣ.

вріи, Бургасѣ, вездѣ неудержимо свирѣпствовала чума, и нельзя было далѣе надѣяться, что зло минуетъ большой Адрианопольскій госпиталь. Беспорядки въ хозяйственной части управленія дошли до такой степени, что я сталъ просить докт. Витта объ увольненіи, потому что силъ нашихъ не хватало болѣе: на 5000 больныхъ было 28 докторовъ. Но Виттъ, хлопоча самъ объ отставкѣ, никакъ не хотѣлъ отпустить меня; я продолжалъ настаивать. Тогда отъ Дибича пришло мнѣ приказаніе ѣхать въ Константинополь съ чрезвычайнымъ посломъ нашимъ, графомъ Орловымъ. 29-го Октября сложилъ я съ себя званіе и тяжелую отвѣтственность главнаго доктора и передалъ все въ руки своего товарища Леконта. Помощникомъ былъ сдѣланъ Ринкъ, комендантомъ генералъ Коленъ, а главный надзоръ надъ госпиталемъ былъ порученъ докт. Аммону. Мирный договоръ съ Турками былъ наконецъ заключенъ, и войска получили приказъ отправляться на зимнія квартиры въ Бургасъ. Транспортировать больныхъ по испортившимся въ конецъ дорогамъ было невозможно: въ Адрианополь, въ тѣхъ же зараженныхъ казармахъ, осталось 4700 больныхъ и 400 чел. больничныхъ служителей подъ защитою одного батальона 36-го егерскаго полка, съ тѣмъ чтобъ по мѣрѣ выздоровленія или же весной переправить ихъ въ Бургасъ.

Въ Декабрѣ было отослано въ полки около 300 выздоровѣвшихъ, да 6 Мая 1830 года еще 170 человекъ больныхъ, и человекъ 400 здоровыхъ отправлено въ Бургасъ. Вотъ какова сила всякой заразительной болѣзни, если развитію ея способствуютъ мѣстныя условія! Далѣ получилъ приказъ сопровождать генерала Ридигера въ Бухарестъ, Паукера перевели въ летучій госпиталь при Главной Квартирѣ, отправлявшейся въ Бургасъ. Такимъ образомъ судьба разорвала нашу медицинскій кружокъ! Жалко было расставаться, но мы рады были уѣхать.

Отъѣздъ Орлова въ Константинополь, а также и переѣздъ Главной Квартиры въ Бургасъ были отложены до 8 Ноября, такъ какъ ждали передачи крѣпости Журжева или, можетъ быть, пріѣзда посланника Бутенева. 7 Ноября обошелъ я въ послѣдній разъ несчастныхъ, залодозрѣнныхъ въ чумной заразы. Они принадлежали къ 62 ротѣ инвалидовъ, пришедшей изъ Бургаса, помѣщались, въ дождливую погоду, внѣ стѣнъ госпиталя, въ простой палаткѣ и лежали на размокшей землѣ. Изъ комнаты № 83 перевели 2 Ноября больного, страдавшаго перемежающейся лихорадкой въ другую палату № 55; здѣсь показался на немъ чумный нарывъ; тотчасъ же его перевели изъ госпиталя въ отдѣленіе для чумныхъ на Тунджѣ, гдѣ онъ черезъ 3 дня померъ. Остальные обитатели № 55 благополучно перенесли свой карантинъ. Но въ № 83 черезъ 10 дней еще на 4 больныхъ показались нарывы и карбункулы; они и всѣ лежавшіе въ той же комнатѣ померли, какъ только ихъ перевели въ отдѣленіе для чумныхъ. Комната эта находилась въ нижнемъ этажѣ, была очень дурно устроена: она сдѣлалась разсадникомъ чумы. И такъ первая сцена страшной Адрианопольской трагедіи разыгралась еще при мнѣ.

8 Ноября утромъ пріѣхалъ я въ городъ въ своей повозкѣ съ деньщикомъ и багажемъ. Я общалъ капитану Коцебу⁴⁾ захватить съ собой его людей и вещи, но онъ еще не былъ готовъ. Орловъ уже уѣхалъ впередъ; мы же должны были ѣхать на Гафсу, Эскибабу, Луле-Бургасъ,

⁴⁾ Нынѣ графу Павлу Евстафіевичу.

въ Родосто. Въ Главной Квартирѣ сумятица была страшная: всё, сломя голову, спѣшили выбраться изъ проклятаго болота. Люди и лошади барахтались въ грязи по колѣно. Крики, ругань, удары, проклятія, все мѣшалось въ неумолкаемый гулъ. Докторъ Паукеръ добылъ себѣ громадныя Болгарскіе сапоги и съ трудомъ вытаскивалъ ноги: онъ былъ въ грязи съ головы до ногъ. Наконецъ ему удалось найти мѣстечко въ аптекарскомъ фургонѣ, и такимъ образомъ онъ доѣхалъ до Бургаса. Потомъ онъ писалъ мнѣ въ Константинополь, что они ѣхали 140 верстъ 23 дня!

Наконецъ въ 11 часовъ выѣхалъ и я съ своимъ караваномъ, состоявшимъ изъ повозки, 4 деньщиковъ, одного Грека-погонщика (сурджки) и 9 лошадей. На дорогу я купилъ себѣ Турецкій кожаный, дорожный мѣшокъ, сахару и баранины. Цѣлый часъ ѣхали мы по сквернѣйшему шоссе въ южной низкой части города, наконецъ выѣхали на песчаную дорогу, въ одномъ мѣстѣ представлявшую сплошную, громадную лужу. Я благополучно проѣхалъ верхомъ, но Трофима угораздило попасть въ яму: лошади ни съ мѣста. Мимо проѣзжалъ караванъ Турокъ на буйволахъ; я былъ готовъ заплатить какія угодно деньги, лишь бы только вылѣзть изъ лужи, но они даже и не отвѣчали на мои предложенія и проѣхали мимо. Наконецъ небо сжалось надъ нами и послало на выручку трехъ молодцовъ Болгаръ, которые, внявъ моимъ уговорамъ, вошли въ воду, разгрузили повозку и съ помощію моей прислуги вытащили экипажъ изъ ямы. Жалко мнѣ было Трофима, у котораго только два дня тому назадъ прекратилась лихорадка, а теперь ему пришлось ради совершеннаго излѣченія простоять цѣлый часъ въ водѣ. Наконецъ мы тронулись впередъ. Черезъ пять верстъ—новое препятствіе: Турки, отступая, уничтожили мостъ черезъ рѣку. Правда, въ одномъ мѣстѣ тутъ былъ бродъ, но отъ дождей вода такъ поднялась, что и думать объ этомъ было нельзя. Съ того берега Русскій солдатъ закричалъ намъ, чтобы мы не пробовали, потому что тутъ недавно провалилась коляска его барина и съ лошадьми, и до сихъ поръ лежитъ на днѣ рѣки. Пришлось искать другой переправы повыше; наконецъ у Скендеръ-Кюйя нашелся мостъ, и мы благополучно переѣхали на другой берегъ. Однако мы сдѣлали крюкъ и потеряли два часа; уже стемнѣло, а до Гафсы еще оставалось 12 верстъ, по крайней мѣрѣ на три часа. Дорога шла по глиняному грунту, совершенно размягшему отъ дождей, лошади совсѣмъ измучились, тѣмъ болѣе, что онѣ ничего не ѣли съ 6 часовъ утра. Немудрено, что черезъ полчаса мы опять стали. На этотъ разъ положеніе наше было дѣйствительно критическое: темно было, хоть глазъ выколи, и никакого жилья вокругъ. Между тѣмъ поднялся рѣзкій вѣтеръ, небо заволокло свѣговыми тучами. Вдругъ послышался скрипъ немазанныхъ колесъ—о какая небесная музыка! Это ѣхали изъ Гафсы Болгары въ телѣгѣ, запряженной 4 волами, которыхъ мы сейчасъ же сочли законной добычей, посылаемой намъ самимъ небомъ. Поднялись долгіе толки: Болгары не понимали насъ, мы не понимали Болгаръ; наконецъ я наугадъ закричалъ «да» въ отвѣтъ на длинную рѣчь Болгарина, въ которой, мнѣ казалось, заключался вопросъ. Тотчасъ же они впрягли въ повозку двухъ воловъ и вытащили насъ изъ вязкой глины. Медленнымъ, но ровнымъ шагомъ поѣхали мы снова,—на этотъ разъ уже съ твердою увѣренностью, что доберемся часа черезъ два до ночлега. Тщетная надежда! Несчастливая наша звѣзда все еще была надъ нами, хотя и за обла-

комъ. Волы, лошади и повозка, все снова очутилось въ ложбинѣ. Послѣ многихъ напрасныхъ попытокъ выкарабкаться оттуда, я наконецъ рѣшился оставить двухъ деньщиковъ при повозкѣ, а съ двумя другими ѣхать въ Гафсу и оттуда прислать людей на помощь. Мы были ближе къ деревнѣ, чѣмъ я предполагалъ: черезъ полчаса въ темнотѣ замелькалъ огонекъ, мы приѣхали въ Гафсу и остановились прямо у освѣщеннаго дома, который оказался каравансараемъ, гостинницей для путешественниковъ. Единственная жилая комната хозяйская была скорѣе похожа на собачью конуру, а хозяинъ глядѣлъ бандитомъ. Люди мои отправились въ сарай, гдѣ уже помѣстились на ночь Сербскіе купцы съ товарами и лошадьми; я же вошелъ въ комнату. Вокругъ потухавшей жаровни сидѣло нѣсколько человѣкъ оборванныхъ Турокъ, покуривали трубочки и изрѣдка перебрасывались короткими словцами. Еслибы я желалъ получить право присѣсть въ этомъ интересномъ обществѣ, мнѣ бы слѣдовало тотчасъ спросить себѣ кофею, такъ какъ инаго яства или питія достать здѣсь было нельзя. Но мнѣ прежде всего нужна была помощь для моихъ людей и лошадей, оставшихся въ лужѣ. Отъ Турокъ я ничего не могъ добиться, кромѣ «іокъ» (нѣтъ); тогда я обратился къ Сербскимъ купцамъ, которые еще не спали. Одинъ изъ нихъ, говорившій порусски, принялъ во мнѣ большое участіе, но сдѣлать ничего не могъ: Турки ни за какія деньги не соглашались двинуться съ мѣста, говоря, что завтра будетъ время, а теперь слишкомъ холодно. Пришлось поневолѣ покориться своей участи. Я вернулся въ комнату и къ изумленію Турокъ выпилъ поджюжины чашекъ кофею, величиною съ половиною яичной скорлупы, закусывая хлѣбомъ съ сыромъ, который мнѣ далъ Иванчищъ (такъ звали Сербскаго купца). Кончивъ ужинъ, я растянулся на полу, но спать не могъ: я беспокоился о своихъ людяхъ, все время стоявшихъ въ водѣ; да и Турки своимъ говоромъ, напоминавшимъ хрюканье, не дали мнѣ уснуть до 12 час. ночи. Наконецъ и они легли, но въ 3½ часа утра уже встали; я думалъ, идти на работу, но они опять усѣлись, поджавши ноги вокругъ жаровни и закурили трубки. Долга показалась мнѣ эта ночь! Разъ десять вставалъ я смотрѣть въ окошко, не разсвѣтаетъ ли наконецъ, но ничего не видѣлъ кромѣ снѣга, который подъ 41° сѣверной широты выпалъ въ эту ночь. Въ 8 часовъ проснулись и купцы; я сталъ приставать къ нимъ, чтобъ они наняли людей и буйволовъ. Поднялись безконечные переговоры; наконецъ одинъ Болгаринъ, взявъ съ меня 18 піастровъ, рѣшился съ парой буйволовъ отправиться на помощь къ моимъ людямъ. Между тѣмъ Иванчищъ передалъ мнѣ, что онъ видѣлъ дорогой нѣсколько колясокъ въ сопровожденіи казаковъ, гусаровъ и т. д., и всѣ они направлялись на Узункопри (длинный мостъ). Должно быть, это былъ графъ Орловъ, который, узнавъ, что дорога въ Гафсу такъ дурна, предпочелъ ѣхать западнѣе, вдоль Марицы.

Только къ 9 часамъ собрались мы наконецъ выѣхать. Когда мы прибыли къ злополучному мѣсту, я увидалъ, что деньщики мои, прождавъ меня довольно долго, выпрягли лошадей, отвели ихъ на берегъ, задали имъ овса, а сами завернулись въ одѣяла и цыновки, чтобъ согрѣться. Съ торжествомъ въѣхалъ я въ караванъ-сарай. Можно было бы тотчасъ же отправляться далѣе, такъ какъ лошади уже отдохнули, но мнѣ хотѣлось угостить людей: я далъ имъ бутылку рому. Черезъ 5 минутъ Трофимъ былъ пьянъ; потомъ принесли

мнѣ извѣстіе, что по дорогѣ въ Эски-бабу Турки разрушили еще одинъ мостъ, и что теперь нужно ждать, пока вода спадетъ, и тогда можно будетъ перебраться. Предвидѣлось пріятное путешествіе, тѣмъ болѣе, что по дорогѣ изъ Адрианополя въ Луле-Бургасъ повстрѣчается ровно 26 большихъ и малыхъ рѣчекъ, стекающихъ съ хребта, который тянется отъ Сливны до Константинополя, и впадающихъ частью въ Марицу, частью въ Эргенѣ. Пришлось остаться на цѣлый день въ Гасфѣ. Я подружился съ Сербскими купцами, сталъ ходить по другимъ кофейнямъ (ихъ всѣхъ четыре), и вездѣ-то сидѣла вокругъ жаровни толпа лѣнтяевъ, поджавши ноги, съ трубками въ зубахъ и съ чашкой кофею. Турецкая чашка заключаетъ не болѣе двухъ ложекъ, но Турокъ пьетъ ее цѣлый часъ. Разговоръ между ними шель отрывочными фразами, безъ споровъ и шуму. Холодъ, наступившій такъ неожиданно, казалось, былъ имъ не понутру: они все твердили: зокъ, зокъ (холодно, холодно). Я не видалъ, чтобъ хозяинъ и гости что нибудь ѣли; по временамъ они выпивали чашку кофею и только. Кофей варился цѣлый день на небольшомъ очагѣ въ углу, но хотя огонь былъ постоянно разведенъ, комната не нагрѣвалась, такъ какъ подъ очагомъ былъ погребъ, и труба шла прямо оттуда на крышу. Сербы не оставляли своихъ лошадей; они въ сараѣ варили себѣ кушанье изъ муки и меда, или изъ рису и бараньяго сала; мои люди послѣдовали ихъ примѣру.

Къ вечеру подошелъ еще караванъ, въ которомъ находился юс-баша (офицеръ) изъ Шумлы, возвращавшійся на родину, и двое купцовъ изъ Адрианополя. Въ эту ночь мы вчетверомъ спали на полу.

На другой день пришло извѣстіе, что можно перебраться черезъ ручей. Мои спутники сейчасъ же собрались и уѣхали. Я же нанялъ пару буйволовъ въ повозку; вдругъ Турокъ объявляетъ, что онъ ѣхать не можетъ, потому что слишкомъ холодно. Нечего дѣлать, пришлось опять впрягать лошадей! Но не успѣли мы сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ онъ началъ скользить и падать. Опять отиравился я на поиски за буйволами. Турокъ не было возможности сдвинуть съ мѣста: такъ плотно они засѣли у своей жаровни; проклятые лѣнтяи смѣялись мнѣ въ глаза. Наконецъ послѣ долгихъ поисковъ и просьбъ, какой-то Болгаринъ согласился за 32 піастра провезти повозку 24 версты до Эски-бабы, такъ какъ было уже слишкомъ поздно, чтобъ отправляться въ дальнее путешествіе. Я поѣхалъ верхомъ впередъ и на полъ-дорогѣ остановился въ деревнѣ Кулели, чтобъ подождать своихъ. Сажу я въ кофейнѣ и спокойно ѣмъ кусокъ рыбы съ хлѣбомъ, запивая кофеемъ, вдругъ просовывается чья-то голова въ дверь, произноситъ нѣсколько словъ и исчезаетъ. Въ ту же минуту всѣ посѣтителы вскакиваютъ съ мѣстъ и бросаются вонъ изъ комнаты. Я думалъ, вѣроятно, тотъ человѣкъ обругалъ и оскорбилъ все общество, но вышло иначе. Это проѣзжалъ Галишъ-паша Селиврийскій, назначенный Адрианопольскимъ губернаторомъ, и захотѣлъ остановиться на минуту въ кофейнѣ, потому-то вся сволочь должна была убраться и уступить ему мѣсто. Я, конечно, не пошелъ. Тогда онъ черезъ толмача спросилъ, кто я, куда ѣду и т. д. Когда онъ узналъ, что я докторъ, тотчасъ же протянулъ мнѣ руку, просилъ пощупать пульсъ и сказать, здоровъ ли онъ. Такъ какъ я ему далъ успокоительный отвѣтъ, онъ тотчасъ же приказалъ хозяину подать мнѣ чашку кофею. Маленькій круглый человѣчекъ обошелся очень милостиво съ Русскимъ. Въ свитѣ его находился Ибрагимъ-

паша, недурно говорившій порусски; онъ увѣрилъ, что видѣлъ меня въ Варнѣ, какъ я съ двумя батальонами шелъ противъ Омеръ-Вріоне. Какъ я ни старался его разувѣрить, онъ крѣпко стоялъ на своемъ. Когда высокіе посѣтителі уѣхали, прежній людъ снова вернулся и уѣлся вокругъ жаровни.

Между тѣмъ привели моихъ буйволовъ, и мы поѣхали. На дорогѣ намъ попались навстрѣчу всадники и носильщики, составлявшіе свиту паши; мы проѣхали мимо нихъ, не услышавъ ни одного насмѣшливаго или обиднаго слова. Правда, военная свита паши была не такова, чтобъ могла нанести оскорбленіе Русскому мундиру. Вы не можете представить, что это была за сволочь! Тутъ были только мальчишки 12—16 лѣтъ, да сѣдобородые старики. Даже и здѣсь, въ Константинополь, гдѣ должно быть отборное войско, на караулъ иногда стоятъ малые ребята. Къ концу похода, часто случалось, что двое казаковъ загоняли цѣлую толпу подобныхъ храбрецовъ. Куда же дѣвались эти сотни тысячъ, которые, по расчетамъ иностранныхъ газетъ, должны были явиться по первому призыву на службу, такъ какъ призывались всѣ способные носить оружіе отъ 12 лѣтнаго до 60-лѣтнаго возраста? Увѣряли даже, что въ Европейской Турціи живетъ по крайней мѣрѣ 2½ милл. Турокъ; но дѣло въ томъ, что наша статистика непригодна для этой выродившейся расы. Все имущество паши помѣщалось на 150 вьючныхъ лошадяхъ и мулахъ; прислуги было столько же, такъ какъ всякій день приходилось навьючивать и развьючивать. Перевозки въ экипажахъ тутъ не существуетъ, а потому и нѣтъ большой дороги между обѣими столицами, хотя производится оживленная торговля, и проѣзжаютъ постоянно и знатные люди, и простые смертные, и даже встарину самъ султанъ ѣзжалъ по этой дорогѣ.

Широкая равнина изрѣзана во всѣхъ направленіяхъ дорогами и дорожками, которыя всѣ сходятся у какого нибудь жалкаго мостика черезъ ручей и снова расходятся во всѣ стороны. Вблизи не видно ни домика, ни садика, ни гостинницы, потому что никто не селится близъ дороги, опасаясь чужаго захвата; только въ селахъ и городахъ, гдѣ есть взаимная помощь и защита отъ разбоя, путешественникъ можетъ найти пріютъ, да и то съ трудомъ, при чемъ сила оказывается полезнѣе чѣмъ деньги. Вотъ вамъ и еще доказательство варварскаго состоянія страны! Въ Европѣ дѣлаютъ этотъ упрекъ Русскимъ; а между тѣмъ въ Россіи проѣзжему стоитъ только въ первомъ попавшемся селѣ постучаться въ дверь, и его встрѣтятъ словами: «милости просимъ» и пріютятъ и обогрѣютъ. И нигдѣ, ни въ Турціи, ни въ цивилизованной Европѣ, не услышите вы подобнаго привѣта. Здѣсь варварство и страхъ, тамъ цивилизація и эгоизмъ! Результатъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же.

Холодный вѣтеръ, дувшій съ горъ, заставилъ меня скорѣе ѣхать впередъ, чтобъ заранѣе отыскать помѣщеніе въ Эски-бабѣ. Въ городѣ оказалась только одна гостинница, и та была уже занята караваномъ, выѣхавшимъ раньше насъ изъ Гафсы. Къ счастью я встрѣтилъ Иванчица, и онъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться прямо къ аяну города и въ качествѣ Русскаго просто-на-просто потребовать, чтобъ отвели мнѣ квартиру. Такъ я и сдѣлалъ. Черезъ толмача я велѣлъ сказать, что принадлежу къ посольству, которое ѣдетъ въ Стамбулъ, что я экимъ-баша (докторъ), важная особа! Черезъ нѣсколько минутъ посланный возвратился и отвелъ насъ на квартиру къ Греку,

которому паша приказалъ помѣстить насъ у себя. Сначала меня съ моимъ караваномъ приняли не очень ласково, но потомъ, когда я сказалъ, что заплачу за все, хозяева стали гораздо любезнѣе и очистили мнѣ мѣсто въ своей комнатѣ, тогда какъ прежде хотѣли помѣстить въ отдѣльной комнатѣ, которую нельзя было топить. Когда же я угостилъ дѣтей сахаромъ и изюмомъ, мать была такъ тронута, что сейчасъ же вытащила припрятанный супъ, принесла молока, хлѣба, меду и приказала своему покорному супругу развести огонь для моихъ людей и выдать овса лошадямъ. Я отправился въ гости къ Гуссейну-пашѣ. Въ большой комнатѣ съ мраморнымъ каминомъ, обставленной вдоль стѣнъ диванами, сидѣлъ Гуссейнъ, видный, красивый мужчина. Онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ садиться. На противоположной сторонѣ комнаты на диванѣ сидѣли молча, съ трубками въ зубахъ и поджавши ноги, двое почетныхъ лицъ города. Посреди на полу, покрытомъ коврами, стояли двѣ жаровни и высокій мѣдный подсвѣчникъ съ сальной свѣчей. Какъ вы можете себѣ представить, разговоръ нашъ до прихода толмача не отличался оживленіемъ. Мнѣ подали кофею и трубку, въ знакъ мира. Такъ какъ въ Эски-бабѣ прежде стоялъ гренадерскій батальонъ, то Русскіе обычаи были ему нѣсколько знакомы, и паша велѣлъ приготовить мнѣ кофею съ сахаромъ. Кромѣ того кофешенкъ поднесъ мнѣ своими грязными пальцами кусокъ сахару величиною съ орѣхъ. Когда пришелъ толмачъ (старикъ съ сѣдой бородой и шатавшимися зубами), ему позволили сѣсть на полъ и дали чашку кофею. Выслушавъ мою благодарность за конакъ (квартиру), паша сталъ спрашивать объ Адрианополѣ и Главной Квартирѣ и наконецъ попросилъ пощупать пульсъ. Одинъ изъ его служителей уже давно былъ боленъ трехдневной перемежающейся лихорадкой, и паша спросилъ, нѣтъ ли какого лѣкарства отъ этой болѣзни. Одолженіе за одолженіе, я обѣщалъ прислать хинныхъ пилюль и кстати попросилъ его приказать дать мнѣ тройку вьючныхъ лошадей до Дуле-Бургаса или до Родосто, гдѣ я надѣялся сѣхаться съ нашимъ посломъ. За лошадей я обязался заплатить и кромѣ того дать на водку. Онъ обѣщалъ исполнить мою просьбу, а я приложилъ правую руку сначала къ подбородку, потомъ ко лбу въ знакъ благодарности, и отправился домой.

Комната, гдѣ жили хозяева и гдѣ помѣстился также и я, имѣла не болѣе 15 фут. въ квадратъ и была подъ самой крышей; небольшое отверстіе въ крышѣ служило окошкомъ. Семья грѣлась у камина, гдѣ варилось кушанье. Одна треть комнаты была занята ткацкимъ станкомъ, другая—матрацомъ, гдѣ спала вся семья, третья оставалась свободной. Я расположился на полу въ углу у камина, заварилъ чаю и вступилъ въ разговоръ съ оборванцемъ, дядею хозяйки, приходившимъ въ гости и говорившимъ немного порусски. Мой дорожный мѣшокъ и все, что въ немъ было, возбуждали удивленіе хозяевъ. Послѣ чаю я улегся, а они сѣли ужинать. Къ камину придвинули низенькую скамейку о четырехъ ножкахъ, на нее поставили что-то въ родѣ большаго круглаго деревяннаго подноса, фута три въ діаметрѣ. Всѣ усѣлись на полу вокругъ; хозяйка разрѣзала маисовый хлѣбъ на куски по числу членовъ семьи, разложила ихъ кругомъ на столѣ, а по срединѣ поставила небольшое глиняное блюдо, на которомъ лежало кушанье изъ рыбы, яицъ и масла, но въ такомъ умѣренномъ количествѣ, что я, напившись уже чаю, могъ бы легко сѣсть вдвое больше; а ихъ было шестеро. Старшій въ семьѣ прочелъ мо-

литву, остальные перекрестились и принялись за ѣду. Каждый отламывалъ по кусочку отъ своего ломтя хлѣба, обмакивалъ его въ блюдо, при этомъ захватывалъ указательнымъ пальцемъ кусокъ рыбы и отправлялъ въ ротъ съ большимъ аппетитомъ. Скоро все было съѣдено; я ожидалъ, что подадутъ второе блюдо, но вмѣсто того принесли кружку съ водой, и всѣ напились по очереди. Ужинъ напоминалъ трапезы древнихъ. Дѣтей уложили совсѣмъ одѣтыхъ на матрацъ и покрыли шубами, потомъ улеглись и старшіе. Огонь въ каминѣ потухъ, и скоро всѣ заснули.

Утромъ, когда я проснулся, хозяйка уже сидѣла за станкомъ. Въ комнатѣ, и особенно на полу, было очень холодно; я тотчасъ же прибѣгнувъ къ божественному цѣлебному напитку, неоцѣненному кофею. Отъ правительства мы получали жженный, толченый кофеи, и я мастерски выучился варить его. Какимъ образомъ могло случиться, что честному Арабскому шейку Шедэли, открывшему драгоценныя свойства бобовъ Мокки, до сихъ поръ еще не воздвигнули статуи? Ньютонъ, какъ извѣстно, лежалъ однажды подъ дубомъ, ему упалъ на носъ желудъ, и это обстоятельство послужило ему поводомъ къ открытію законовъ тяготѣнія и движенія небесныхъ тѣлъ. Шейхъ же Шедэли замѣтилъ, что верблюды, ошипавшіе кофейный кустъ, сдѣлались необыкновенно бодры и сильны, и это навело его на мысль, нельзя ли и свое сердце развеселить такимъ же способомъ, тѣмъ болѣе, что Коранъ того не запрещаетъ. Такимъ образомъ Шедэли сдѣлался прародителемъ всѣхъ любителей кофея. Кто же лучше сдумѣлъ развеселить сердце человѣка, возбудить въ немъ юморъ, Шедэли или Ньютонъ? Первые кофейни возникли въ Константинополѣ лишь сто лѣтъ спустя послѣ его завоеванія. Ораторы, военные, политики, остроумные говоруны, особенно же дервиши и вообще мечтатели, люди праздные, начали туда стекаться во множествѣ, чтобъ насладиться новымъ напиткомъ. Кофейни стали называться школами познанія; но, кажется, онѣ немного способствовали распространенію образованія между Турками, хотя онѣ есть вездѣ, даже въ деревняхъ. Правительство сдѣлало изъ кофею монополию и получаетъ большой доходъ, такой же какой христіанскія правительства получаютъ отъ продажи спиртныхъ напитковъ.

Хозяйка моя стала варить къ утреннему завтраку супъ изъ муки и макаронъ, а я пошелъ къ пашѣ отнести обѣщанныя хинныя пилули, но не засталъ его дома: онъ уѣхалъ къ кому-то въ гости въ Адрианополь. Вернувшись домой, я расплатился съ хозяевами, отдалъ 10 піастровъ за вычныхъ лошадей и поѣхалъ дальше.

Эски-баба—городъ очень некрасивый; въ немъ двѣ мечети и христіанская молельня. Паша живетъ здѣсь, а въ Гафсѣ управляетъ субаша. У города течетъ рѣчка, черезъ которую построенъ красивый каменный мостъ. Дорога по рыхлому, низкому грунту вымощена на протяженіи одной версты крупнымъ камнемъ, до хошма, съ котораго, какъ мнѣ показалось, видно на Югѣ море. На Востокъ тянутся приморскіе Балканы до Босфора; кругомъ, на 5 часовъ пути вплоть до Дуле-Бургаса, идетъ пустынная степь. Дорѣгой ничего не случилось замѣчательнаго, развѣ только, что намъ попались два мертвыхъ тѣла, да деньщикъ мой Трофимъ самъ чуть-чуть не превратился въ мертвое тѣло. Онъ вздумалъ идти пѣшкомъ, конечно усталъ, прилегъ отдохнуть на дорогѣ и уснулъ. Другой деньщикъ, не видя его, вернулся назадъ; къ счастью, онъ не умеръ, хотя долгая стоянка въ водѣ въ день нашего

отѣзда изъ Адрианополя и пьянство привели его въ такое жалкое состояніе, что я, не желая, чтобъ онъ безчестилъ свой мундиръ, взялъ его у него и надѣлъ на него Болгарскую шубу.

Луле-Бургасъ лежитъ въ обширной рѣчной долинѣ Карагача и имѣетъ видъ очень привлекательный. На верху склона, по которому мы спустились къ Сѣверозападу, находятся, одна возлѣ другой, двѣ земляныя насыпи въ родѣ холмовъ, и на юговосточной сторонѣ по направленію къ Константинополю тоже двѣ; вѣроятно эти искусственные холмы служили указателями дороги въ степи. Такъ какъ я опять пріѣхалъ впередъ, а въ городѣ не было гостинницы, то тотчасъ же отправился къ аяну и потребовалъ квартиры для себя и своей свиты. Передъ этимъ здѣсь стоялъ Ротъ съ своимъ штабомъ, потому Русскій мундиръ все еще продолжалъ внушать уваженіе, и аянь тотчасъ же, не говоря лишняго слова, далъ провожатаго и велѣлъ отвести на квартиру къ Греку. На этотъ разъ хозяева, напоминавшіе Филемона и Бавкиду, оказались пріѣтливѣе Грековъ въ Эски-бабѣ. Они сейчасъ же отвели мнѣ маленькую комнату, развели огонь, но увѣряли, что у нихъ ничего нѣтъ съѣстнаго. Пріѣхали и мои спутники, и съ ними вмѣстѣ Австрійская почта, при которой было 13 вьючныхъ лошадей. Весь городъ сбѣжался на нпхъ смотрѣть; въ толпѣ я увидалъ своего стараго знакомаго, Сербскаго купца Иванчича. Благодаря ему, я нашелъ помѣщеніе для повозки и лошадей, такъ какъ у моихъ Грековъ не было никакого сарая. Ужасно надоѣло мнѣ таскать съ собой повозку по размытымъ дорогамъ; ее и безъ клади едва могла стащить пара лошадей. Одинъ изъ почтовыхъ пассажировъ, маленькій черныи человѣкъ съ огромными усами и бакенбардами и длинной саблей, болтавшейся сбоку, громко бранился и сердился, что нѣтъ лошадей. Такъ какъ мои вьючныя лошади были также изъ числа почтовыхъ и наняты только до Луле-Бургаса, то я заключилъ, что мое дальнѣйшее путешествіе можетъ, пожалуй, встрѣтить нѣкоторыя препятствія. Я тотчасъ же отправился опять къ аяну въ сопровожденіи молодаго Грека, очень услужливаго и немного говорившаго порусски. Маленькій, непомѣрно толстый аянь, съ отвисшимъ брюхомъ, изъ подъ котораго выглядывали поджатые ножки, точно цыплята изъ подъ крыльевъ насѣдки, спокойно застался на своемъ диванѣ и объявилъ, что лошадей онъ дать не можетъ, и что пріѣхали сейчасъ два Сербскихъ депутата, которыхъ тоже нужно отправить въ Стамбулъ, а послѣднихъ лошадей уже забрала Австрійская почта. Я вступилъ въ разговоръ съ усатымъ пассажиромъ и узналъ, что онъ баронъ Тѣста, служить при Австрійскомъ посольствѣ въ Константинополѣ, теперь везетъ туда золото и думаетъ выѣхать въ полночь. Квартиры онъ себѣ не нашелъ; я пригласилъ его къ себѣ напиться чаю, а самъ покуда пошелъ къ Иванчичу рассказать о своемъ горѣ. Я его засталъ съ товарищами за столомъ, и онъ просилъ меня сдѣлать имъ честь пообѣдать съ ними вмѣстѣ. Караванъ ихъ состоялъ изъ 8 человѣкъ купцовъ, ѣхавшихъ по заключеніи мира въ Константинополь съ товарами. Какъ члена посольства, которое впоследствии могло быть имъ полезнымъ, меня посадили на первое мѣсто и дали салфетку. Мы усѣлись на полу вокругъ низенькаго стола; Иванчичъ самъ готовилъ кушанье—рисовую кашу, пилавъ и мясное блюдо; оба послѣднія были приправлены по всѣмъ правиламъ искусства. За обѣдомъ Сербы, не читавшіе газетъ, завели разговоръ о политикѣ и засыпали меня вопросами. Въ особенности интересовалъ ихъ вопросъ: позволятъ ли имъ по прежнему носить оружіе? По ихъ

словамъ Сербь и Болгары—хорошіе солдаты, но бѣда въ томъ, что у нихъ нѣтъ вождей, которые бы руководили дѣломъ; будь только вождь, и они сами справятся съ Турками. Имъ казалось непонятнымъ и непростительнымъ, что Русскіе, вмѣсто того, чтобъ оставить за собой занятія ими земли, отступаютъ и снова предають христіанъ въ руки Турецкихъ палачей. Вотъ теперь, говорили они, Галишъ-паша поѣхалъ въ Адрианополь рубить головы тѣмъ, кто слишкомъ дружелюбно относился къ Русскимъ. Я ихъ старался успокоить, представляя имъ, что тамъ еще до сихъ поръ стоятъ наши войска въ казармахъ, и что Государь нашъ, хотя и оказываетъ свое великодушіе побѣжденнымъ Туркамъ, но имѣетъ твердое намѣреніе наблюдать за тѣмъ, чтобъ христіанамъ было хорошо въ Турціи. Они были, казалось, довольны моими объясненіями и просили позволенія посѣщать меня въ Константинополь. Я посоветовался съ Иванчицемъ, какъ добыть лошадей, и онъ далъ мнѣ мудрый совѣтъ, если не хочу здѣсь просидѣть лишній день, подарить аяну свою повозку. Онъ уговорилъ меня также лучше ѣхать вправо на Родосто, гдѣ я еще могъ застать нашего посла, чѣмъ прямо на Константинополь по большой проѣзжей дорогѣ. Я простился съ нимъ до скорого свиданія, но къ сожалѣнію, здоровый крѣпкій Сербъ умеръ вскорѣ по пріѣздѣ въ Византію. Счастливая звѣзда свела меня съ нимъ въ моемъ злополучномъ странствованіи! Дома я уже засталъ барона Тэсту и сейчасъ же началъ готовить чай. Вечеръ прошелъ незамѣтно въ разговорахъ; прощаясь я просилъ своего гостя, такъ какъ онъ, вѣроятно, раньше меня будетъ въ Константинополь, рассказать графу Орлову про мое неудачное путешествіе.

Когда я проснулся на другой день, солнце уже взошло. Я поспѣшилъ къ аяну, чтобъ поскорѣе смягчить его сердце предложеніемъ повозки, и засталъ тамъ барона Тэсту, который долженъ былъ переночевать въ кофейной. Онъ былъ такъ добръ, что взялъ на себя роль переводчика въ нашемъ разговорѣ и передалъ аяну мою просьбу. Иванчищъ оказался правъ. Сейчасъ же отправили слугу на базаръ, и онъ чрезъ полчаса привелъ мнѣ трехъ вьючныхъ лошадей, велѣлъ навьючить мои вещи, и за это отъ имени аяна потребовалъ 22 $\frac{1}{2}$ піастра почтовой платы. Я отдалъ ему деньги и кромѣ того еще багчишъ (на водку). Недоставало только проводника; слуга аяна приказалъ молодому Греку Григоріѣсу сейчасъ же отправляться со мной въ Родосто и привести потомъ назадъ лошадей. Услыхавъ это, мой Грекъ тотчасъ же сбѣжалъ, не взирая на обѣщанныя деньги на водку. Опять слуга аяна пошелъ на базаръ; тамъ, не долго думая, схватилъ онъ перваго попавшагося Грека и приказалъ ему именемъ аяна отправляться со мной.

Наконецъ мы двинулись въ путь! Погода стала теплѣе, и дорога немного оттаяла. Часа черезъ два доѣхали мы до первой Турецкой деревни, Мусселимъ, а еще часа черезъ четыре вѣѣхали во вторую деревню Сайджи (Сайкъ), гдѣ расположились ночевать.

Косоглазый Турокъ въ красной одеждѣ, напоминавшій Саміэля въ Фрейшюцѣ, позволилъ намъ остановиться у себя. Скоро вокругъ насъ собралось довольно много Турокъ, которые, повидимому, не чувствовали къ намъ особеннаго расположенія, потому что часто повторяли слово «гяуръ» и поминали о казакахъ, отнявшихъ у нихъ коровъ и овецъ. Чтобъ избавиться отъ этихъ гостей, я спросилъ, гдѣ живетъ субаша; но мнѣ сказали, что его теперь нѣтъ здѣсь. Между тѣмъ, мнѣ казалось, что именно Турокъ въ красномъ и былъ самъ субаша; только онъ скрывалъ это, чтобъ не пришлось быть судьей между

путешественниками, которымъ онъ, по своему званію, обязанъ оказывать покровительство, и своими соотечественниками. Я поставилъ лошадей и свои вещи въ сарай; нѣсколько Турокъ послѣдовали за мною и все продолжали разсуждать. Тогда я воспользовался правомъ хозяина и вытолкалъ ихъ вонъ. Къ счастью, эти люди привыкли съ дѣтства думать, что если кто съ ними грубъ, то, стало быть, имѣетъ на то право. Турки постояли, потолковали передъ дверью и, наконецъ, когда стемнѣло, ушли домой. Съ хозяиномъ также у насъ не поладилось: онъ не хотѣлъ намъ продавать ни молока, ни яицъ, ни овса, а когда мои люди спросили, гдѣ тутъ водопой, Турки сказали, что не знаютъ.

Между тѣмъ мы развели огонь на очагѣ и сварили супъ изъ баранины, привезенной нами изъ Адрианополя; хозяинъ наконецъ принесъ намъ чашку съ медомъ и два хлѣба. Въ сараѣ было очень тепло, теплѣе чѣмъ въ домахъ, гдѣ мнѣ до сихъ поръ приходилось ночевать дорогой.

Я проснулся съ первыми пѣтухами, разбудилъ своихъ спутниковъ, и черезъ полчаса лошади уже стояли навьюченные и осѣдланые. Хозяинъ спросилъ за ночлегъ очень умѣренную сумму—100 пара (1 рубль), и съ восходомъ солнца, 13-го Ноября, выѣхали мы изъ деревни. Домики здѣсь стояли всѣ вразбродъ, въ безпорядкѣ; ни улицъ, ни площадей не было. Черезъ ручей былъ перекинутъ дрянной мостъ; отсюда дорога въ продолженіи трехъ часовъ все шла въ гору по степи, слегка прикрытой снѣжкомъ. Было уже далеко за полдень, когда мы въѣхали въ глубокую, обширную долину; рыхлая, скользкая почва очень затрудняла нашъ путь: цѣлый часъ взбирались мы наверхъ и наконецъ увидали море и островъ Мармару вдаль. Направо тянулся въ юго-западномъ направленіи горный хребетъ, который своей выдающейся косою образуетъ Европейскую грань Дарданеллъ; далеко къ Югу поднимались на горизонтѣ снѣжныя вершины Анатолійскихъ горъ. Отъ Сиркіюя до Арапана дорога шла по долинѣ, заросшей оливковыми деревьями и виноградомъ. Изъ Арапана мы увидали мечеть, находящуюся у самаго Родоста (по Турецки Текисъ-дагъ, царская гора), и наконецъ черезъ часъ въѣхали въ Родосто и отправились прямо къ аяну. У аяна мы застали пропасть народа, и представьте мое удивленіе и радость, когда я вдругъ увидалъ прислугу графа и узналъ, что его экипажи еще не пріѣзжали. Тотчасъ же мнѣ отвели квартиру въ митрополіи, т. е. въ домѣ епископа, гдѣ я нашелъ секретаря при посольствѣ Берга⁵⁾, и Бахметева, принадлежавшаго къ военному конвою графа: они только передо мной пріѣхали.

Здѣсь было еще шумнѣе и оживленнѣе, чѣмъ даже у аяна; люди толпились, приходили, уходили, точно въ домѣ была свадьба. Греки были рады, что часть Русскаго посольства остановилась у нихъ, потому что имъ пріятно чувствовать себя подъ Русскимъ покровительствомъ. Конечно, газетные болтуны на Западѣ говорятъ противное, но это вздоръ: въ отсутствіи нашего посольства, Греки чувствовали себя покинутыми, осиротѣлыми; пріѣздъ Орлова былъ для нихъ праздникомъ.

Покуда Грекъ брилъ меня, женщины готовили обѣдъ, мысль о' которомъ, послѣ шестидневнаго голода, доставляла мнѣ большое удовольствіе. По здѣшнему патріархальному обычаю, вмѣсто столовъ

⁵⁾ Въ настоящее время состоитъ нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Лондонѣ.

употребляютъ скамейки, на которыя ставятся большіе круглыя подносы. Въ домѣ однако нашлись ложки, ножи, вилки и тарелки. Съ какимъ наслажденіемъ принялся я за супъ и за вареную и жареную рыбу! Теперь, когда, благодаря отличнѣмъ обѣдамъ у графа Орлова, я вошелъ въ обычную колею ощущеній, мнѣ совѣстно своей тогдашней жадности; но подумайте, любезные друзья: вѣдь, начиная съ Юня мѣсяца, я, не смотря на всѣ мои старанія и ухищренія, вынужденъ былъ питаться самой плохой пищей; исключеніе составляли чай и кофеи.

И такъ я съ удовольствіемъ предался чревоугодію, тѣмъ болѣе, что епископъ не пожалѣлъ для насъ Греческаго вина, изъ церковнаго погребка, которое было такъ хорошо, что никакой стоицизмъ не въ силахъ бы устоять противъ него.

Послѣ обѣда подали намъ воды, чтобы умыть руки: хотя мы и не обмакивали пальцевъ въ общее блюдо, но епископскій метръ-д'отель еще не возвысился до пониманія значенія ложекъ, ножей и вилокъ. Впрочемъ, я нахожу, что обычай за столомъ мыть руки розовой душистой водой гораздо приличнѣе обыкновенія полоскать зубы по окончаніи обѣда, хотя это и считается высшимъ признакомъ цивилизованной гастрологіи.

Было около 5 час., когда мы явились къ графу. Онъ спросилъ меня о моихъ дорожныхъ приключеніяхъ. У него былъ накрытъ столъ; аянь желалъ угостить своего высокаго посѣтителя. Меня тоже уговорили попробовать Турецкаго обѣда. И здѣсь также, вмѣсто стола, поставили довольно большую скамейку, на нее круглый подносъ 4 фута въ діаметрѣ, и поевропейски положили ложки, ножи, вилки. Но сидѣть намъ пришлось всѣмъ на полу на диванныхъ подушкахъ, что было очень неудобно. Множество невольниковъ предстояло къ нашимъ услугамъ. Когда мы всѣ сѣли (насъ было 9 человекъ), намъ повязали большіе платки, вмѣсто салфетокъ, графу и его двумъ сосѣдямъ справа и слѣва (Бутеневу и Брунову) съ разноцвѣтною вышивкою, а остальнымъ простые бѣлые. Султанъ прислалъ намъ Французскаго вина. Кушанья быстро слѣдовали одно за другимъ, но безъ всякаго разбора. Гастрономъ-Французъ пришелъ бы въ ужасъ отъ этого смѣшенія и безпорядка: послѣ нѣсколькихъ кушаньевъ изъ риса, подали рыбу вареную и печеную, соусы, фрикасе, затѣмъ сладкія блюда, жареное мясо, въ заключеніе шербетъ, плоды и варенья. Мы только отвѣдывали отъ каждаго блюда, но ѣсть много не могли. Всякій разъ какъ подавали новое кушанье, гофмейстеръ объяснялъ, изъ чего оно сдѣлано, а Діодати, толмачъ, переводилъ намъ его слова на Французскій языкъ. По окончаніи обѣда подали розовой воды умыть руки и затѣмъ кофею. Потомъ пришелъ самъ хозяинъ, короткоглазый старикъ лѣтъ 80-ти; его поблагодарили, конечно, за прекрасное угощеніе. Убранство комнаты, гдѣ мы сидѣли, было совершенно такое же какъ у паши въ Эски-бабѣ, съ тою разницею, что въ передней ея части стояли шкапы. Аянь не сѣлъ рядомъ съ графомъ на диванъ, но помѣстился на низенькой подушкѣ около; тутъ же сѣлъ и братъ его, такой же старикъ. Чтобы чѣмъ нибудь занять ихъ, мы стали имъ показывать картинки, литографіи. Они съ почтительнымъ видомъ разсматривали медаль съ выпуклымъ изображеніемъ Государя, но особенное удовольствіе доставилъ имъ эскизъ, рисунокъ князя Салтыкова, на которомъ была представлена Европейская дама. Аянь даже попросилъ его нарисовать ему одну изъ его молодыхъ женъ, но не иначе какъ покрытую вуалемъ.

Весь слѣдующій день я отдыхалъ, что было очень пріятно. Я долженъ былъ ѣхать вмѣстѣ со свитой графа сухимъ путемъ, а для Орлова султанъ прислалъ въ Родосто пароходъ, на которомъ капитанъ былъ Англичанинъ, человѣкъ очень умный, судя по лицу, и державшій себя очень спокойно и свободно. Султанъ или, лучше сказать, Высшій Совѣтъ долго не хотѣли слышать о пароходахъ, на томъ основаніи, что отцы ихъ жили же такъ, стало быть и они проживутъ безъ этихъ машинъ. Но наконецъ пароходъ былъ купленъ, и Англичанинъ-капитанъ поступилъ на Турецкую службу. Ему прислали нѣсколько человѣкъ Турокъ, для того чтобы онъ ихъ обучилъ какъ обращаться съ машиной; они прожили на пароходѣ полгода и ни разу не сошли внизъ, чтобы посмотреть его устройство. Когда они вернулись назадъ, и капуданъ-паша (министръ флота) спросилъ у нихъ: все ли они поняли, они отвѣчали: «если бы мы тамъ остались даже 6 лѣтъ, то и тогда бы ничего не могли понять». Но когда на пароходъ прислали человѣкъ 30 кадетъ для обученія, капитанъ остался ими очень доволенъ. Самъ капуданъ-паша—человѣкъ грубый, необразованный, бывшій ремесломъ башмачникъ, который снискалъ милость султана сочувствіемъ къ его нововведеніямъ. Когда онъ еще занималъ нисшій должности, онъ два раза чуть-чуть не погибъ и спасся только благодаря заступничеству Франкини, нашего драгомана, имѣвшаго много друзей и большое вліяніе въ Портѣ. Капуданъ-паша не забывалъ благодареній. Аптекарь въ Константинополь, Марко Кочифи, бывшій моимъ путеводителемъ по городу, тоже хвалилъ его за это рѣдкое свойство. Когда капуданъ-паша былъ еще простымъ кавасомъ (полицейскимъ), припелъ онъ однажды къ нему въ москательную лавку и попросилъ въ подарокъ мускатный орѣхъ; съ тѣхъ поръ онъ, не смотря на свой высокій постъ, всякій разъ ласково кланяется ему и желаетъ добраго дня.

Султанъ прислалъ къ графу Решидъ-бея въ качествѣ михмандара, т. е. онъ долженъ былъ заботиться во все время пути о помѣщеніи и угощеніи высокаго гостя. Вся свита посла должна была совершить путешествіе изъ Адрианополя въ Константинополь на счетъ султана; но я не пользовался этою щедростію, когда ѣхалъ изъ Адрианополя въ Родосто.

Передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Родосто, 80 лѣтній аялъ просилъ меня полечить его 22-хъ лѣтнюю жену. Я послалъ ей лекарствъ, но думаю, что пользы они не принесли ей.

15-го Ноября, выѣхали мы большимъ обществомъ изъ Родосто. Дороги испортились отъ дождей, лошадямъ было тяжело. На лугахъ попадались большія стада овецъ и рогатаго скота, но деревьевъ не видать ни одного. Дурная погода мѣшала намъ любоваться Мраморнымъ моремъ, видѣвшимся впереди. Остановка была назначена въ Туркменли. Мы уже были близко, какъ вдругъ прискакалъ Турокъ съ извѣстіемъ, что всѣ жители отъ страха оставили городъ, и намъ придется остановиться въ ближнемъ селѣ. Дѣлать было нечего. На нашу долю досталась комната, въ которой ничего не было кромѣ стѣнъ; въ отверстіе въ крышѣ, служившее окномъ, лилъ дождикъ, дымъ отъ очага разстилался по всей комнатѣ, потому что трубы не было. Мы должны были уйти оттуда въ другой домъ, гдѣ по крайней мѣрѣ не страдали отъ дыма и дождя и могли спокойно выпить чаю. Къ ужину деревенскій старшина прислалъ намъ пилаву и блиновъ съ творогомъ.

До приморскаго города Геракліи (Эрекли) оставалось 4 часа пути, если ѣхать на Туркменли; но тотъ же самый Турокъ, который накануне выскочилъ къ намъ на встрѣчу, указалъ дорогу въ другую сторону. Вѣроятно, этого мошенника нарочно подослали изъ Туркменли, чтобъ помѣшать намъ въѣхать въ городъ; благодаря ему, мы сдѣлали большой крюкъ и только черезъ 6 час. пріѣхали въ Гераклію. Дорога шла пустынною мѣстностью, намъ попались только двѣ мызы, и даже около самой Геракліи не видно было ни дачъ, ни садовъ, указывающихъ на близость приморскаго города. Онъ расположенъ на южномъ отлогомъ берегу бухты и выдается въ море; сѣверный берегъ образуетъ гавань. Здѣсь я въ первый разъ въ Турціи увидалъ на гребнѣ предгорія 4 большія осьмикрылыя вѣтряныхъ мельницы. Въ гавани находилось до тридцати небольшихъ судовъ, ихъ мокрые паруса сушились на солнцѣ. Все вмѣстѣ придавало городу привлекательный видъ. Старыя полуразвалившіяся городскія стѣны были усѣяны Турками и Греками, которыхъ привлекло любопытство видѣть Русскихъ. Они насъ довольно ласково приветствовали. Квартину намъ опять отвели въ епископскомъ домѣ; къ намъ вышли на встрѣчу два священника, благословили насъ и сейчасъ же повели въ церковь Св. Георгія. Само собою разумѣется, что эти радостныя привѣтствія и почести относились не къ намъ, но Греки теперь радовались возвращенію нашего посольства, потому что надѣялись, что оно ихъ защититъ отъ Турецкихъ насилій и оскорбленій.

Митрополія находится на краю города; домъ для пріюта путешественниковъ стоитъ на обрывѣ утеса, откуда открывается видъ на море и гавань. Маленькая, хорошенькая церковь очень обвѣтшала, такъ какъ Турки не позволяли ее поправлять. Пока намъ готовили ужинъ, старшій священникъ, сосланный сюда изъ Константинополя, водилъ насъ къ развалинамъ стариннаго собора, построеннаго Греческими императорами и увеличеннаго впоследствии Генуэзцами. Отъ него остались только стѣны, своды и погребъ. Въ одномъ изъ нихъ, по сказанію, апостолъ Андрей совершалъ обрядъ крещенія; мѣсто это считается священнымъ. Между обломками мрамора, можетъ быть, когда-то составлявшими часть Греческаго храма, сохранился какой-то торсъ колосальныхъ размѣровъ; проводникъ нашъ говорилъ, что это торсъ Аѳины. Въ стѣнахъ, поддерживавшихъ главный сводъ, виднѣлись еще стержни мраморныхъ колоннъ, вѣланыхъ для прочности. Изъ подъ обвалившейся известковой штукатурки, покрытой живописью, выступали старинныя фрески. Домой мы возвратились вдоль крутаго морскаго берега, гдѣ остатки старыхъ стѣнъ и цѣлый рядъ погребовъ показывали, что когда-то эта возвышенная часть полуострова была заселена, какъ и слѣдуетъ ей быть. Видъ оттуда былъ великолѣпный. Заходящее солнце заливало яркимъ блескомъ море и мелькавшія лодки величиною съ орѣховую скорлупу. На противоположной сторонѣ синѣли вершины Анатолійскихъ горъ, въ сторонѣ Геллеспонта островъ Мармара выдѣлялся яркимъ чернымъ вырѣзкомъ на слегка затуманенномъ дискѣ солнца. И вся эта красота пропадала даромъ! Любоваться было некому: населенная часть города находится на сѣверномъ откосѣ полуострова.

Когда мы вернулись домой, я долженъ былъ прежде заслужить свой ужинъ, подавая медицинскіе совѣты и выдавая лекарства. Супъ, рыба и вино оказались далеко не такого качества, какъ у архіерея въ Родосто. Но голодъ не позволялъ намъ быть разборчивыми; Діодати

потомъ увѣрялъ, что желудокъ его пострадалъ отъ этого ужина. Библиотеки въ митрополіи не было, только у сосланнаго священника нашлось въ комнатѣ нѣсколько Греческихъ классиковъ.

17-го Ноября отправились мы дальше въ Селиврію (Селимбрія); дорога шла по невысокимъ холмамъ, вдоль берега моря. Погода была отличная. По той же дорогѣ шелъ Турецкій регулярный пѣхотный полкъ; но хотя въ немъ замѣтенъ былъ безпорядокъ, мы благополучно проѣхали мимо. Состоялъ онъ большею частію изъ мальчиковъ лѣтъ 12-ти, 15-ти, имѣвшихъ крайне жалкій видъ. Съ ними шелъ Русскій плѣнный, фельдфебель гвардейскаго полка Аладинъ; онъ умолялъ насъ похлопотать въ Константинополѣ объ его освобожденіи. Турки всѣхъ нашихъ солдатъ Татарскаго происхожденія безъ церемоніи записывали въ свои полки; христіанъ же они старались голодомъ и заманчивыми обѣщаніями склонить къ отреченію отъ христіанской вѣры и къ поступленію къ нимъ на службу.

Селиврія находится на длинномъ полуостровѣ, въ одной изъ бухтъ Мраморнаго моря и издали кажется очень живописною. Передъ городомъ лежитъ низменность, черезъ которую еще Сулейманъ Великій построилъ мостъ въ 40 арокъ.

Когда-то Византійскій императоръ, для защиты столицы отъ нападений варваровъ, велѣлъ воздвигнуть стѣну и насыпать валь, которые шли прямо отъ Селивріи на Босфоръ до Деркіюя (Караякію) на Черномъ морѣ, но теперь отъ нихъ не осталось почти никакого слѣда. Мы и тутъ остановились въ митрополіи; но Діодати, помня вчерашній ужинъ, предпочелъ остаться въ одной изъ кофеенъ. Духовное лицо, хозяинъ, объявилъ намъ, что онъ самъ есть владыка. Священникъ проводилъ меня въ соборъ, откуда открывался прелестный видъ на Мраморное море. Когда мы вернулись, путеводитель мой показалъ мнѣ свои литературныя сокровища: нѣсколько словарей, Ксенофонта, нѣсколько томовъ Новогреческой энциклопедіи; библиотеки и здѣсь тоже не водилось. Теперешній соборъ стоитъ напротивъ архіерейскаго дома; онъ обветшалъ, малъ и теменъ. Тамъ служили вечерню, когда я вошелъ; я поспѣшилъ уйти, жалѣя свои уши. Въ Селивріи мнѣ тоже пришлось лечить и давать лекарства. Въ домѣ архіерея была молодая больная Гречанка, родственница его, какъ онъ говорилъ. Онъ очень спокойно и обстоятельно объяснилъ мнѣ ея болѣзнь, оказавшуюся очень сложной; лекарства тутъ едва ли могли принести пользу. Къ ужину подали двѣ рыбки, надъ которыми владыка произнесъ благословеніе и прочелъ «Отче Нашъ». За это мы его угостили ромомъ, который произвелъ на него сильное дѣйствіе.

Дорога изъ Селивріи въ Буюкъ-Чекмедже довольно оживлена. По склону горъ, идущихъ вдоль берега, виднѣются Греческія деревни, виноградники, огороды, пашни; съ горы стекаетъ маленькая рѣчка Карасу, которая до впаденія въ море образуетъ широкое, гладкое озеро. Лѣтомъ оно вѣроятно высыхаетъ, но Сулейманъ построилъ здѣсь большой мостъ. Нѣкогда мѣсто это называлось Атирасъ; здѣсь въ половинѣ 5-го столѣтія стоялъ лагерь Атила. Теперешній городъ построенъ ниже; на верху видны слѣды прежняго морскаго берега, тамъ стоитъ деревня Архаэбургасъ. Красавицы Гречанки сбѣжались смотрѣть на насъ: для нихъ мы были историческими, давно желанными людьми. Насъ помѣстили въ хорошенькомъ домикѣ у бочара. Умудренные опытомъ послѣднихъ дней, мы дали хозяйкѣ денегъ, велѣли ку-

пить рыбы, молока и еще что нибудь и состряпать намъ что нибудь хорошее. Какъ только люди эти увидали нашу готовность за все платить, такъ стали выказывать крайнюю безсовѣстность и начали требовать платы за все, даже за соль; мы пригрозили, что пожалуемся аяну, и они тотчасъ присмирѣли и стали тише воды, ниже травы. На другой день мы узнали, что отъ аяна были присланы куры и пилавъ для насъ.

Дорога до Кучукъ-Чекмедже (Понте-Пиколо), благодаря отвратительной вѣтряной, дождливой погодѣ и скверному шоссе, показалась намъ очень утомительной. Шоссе вымощено плитами, вѣроятно еще во времена Юстиніана, такъ какъ и тутъ и въ Понте-Гранде было нѣсколько императорскихъ загородныхъ дворцовъ. Кучукъ-Чекмедже, въ древности Регіумъ, лежитъ у озера, истокъ котораго впадаетъ въ море; въ городъ ведетъ короткій мостъ на высокихъ сводахъ. Намъ отвели квартиру въ домѣ ткача.

20-го Ноября 1829 года, въ дождливую и снѣжную погоду, отправились мы, минуя Византію, въ лѣтній дворецъ Русскаго посольства, въ Буюкдере, до котораго было 8 часовъ ѣзды. Хотя мы находились у знаменитой столицы Стамбула, тѣмъ не менѣе вокругъ насъ была пустыня. Даже узкое шоссе, длинной ниточкой тянущееся по равнинѣ, непохоже было на дорогу великаго султана; его устроивали вѣроятно какіе-то Готтентоты. Доѣхавъ до равнины Дуадъ-паша, стариннаго Гебдомона, гдѣ Византійскіе императоры производили смотръ своимъ войскамъ, какъ и въ настоящее время султаны предъ началомъ войны, мы повернули назадъ въ Буюкдере. Дорога шла мимо новыхъ казармъ, мимо Рамишъ-Чифлика, резиденціи султана. Вы можете себѣ представить, съ какимъ любопытствомъ я глядѣлъ на старую зубчатую городскую стѣну съ высокими башнями, на дома, на тонкія какъ громоотводъ, стремящіяся къ небу стрѣлки минаретовъ, на Босфоръ и на гавань. Въ ожиданіи нападенія Русскихъ, всѣ высоты укрѣплены посредствомъ новыхъ шанцевъ. Перерѣзанная множествомъ долинъ мѣстность имѣетъ нестройный характеръ, но она становится красивѣе у Джендере, гдѣ дорога спускается къ мосту, перекинутому черезъ «прѣсныя воды». Это мѣсто было любимой резиденціей султана и всего двора; тутъ настроено слишкомъ много загородныхъ замковъ; теперь оно посѣщается уже менѣе, хотя все по прежнему красиво и привлекательно. Остальная часть дороги до Буюкдере представляетъ вересковую пустыню, на которой стоятъ какъ великаны водопроводные столбы. Только подѣзжая къ Буюкдере, у послѣдней ложины, мѣстность близъ Босфора вдругъ поражаетъ красотой, благодаря чему она и сдѣлалась лѣтнимъ мѣстопробываніемъ посланниковъ и другихъ богатыхъ обитателей Перы. Такъ какъ квартира наша въ Перѣ еще не была готова, то мы прожили нѣсколько дней на дачѣ Русскаго посольства, которая стоитъ у самаго Босфора. Красивѣе этого дома нѣтъ во всемъ Буюкдере.

23-го Ноября 1829 года переплыли мы Босфоръ, высадились у Топханэ и съ торжествомъ вступили мы въ узкія улицы Перы.

IV.

Константинополь, Декабрь 1829 года.

Вчера, гуляя въ Перѣ, я дошелъ до башни Галаты и отсюда любовался красивой картиной, открывшейся передъ моими глазами, какъ вдругъ меня окликнули порусски: «здравствуйте, ваше благородіе».

Какой-то незнакомый матросъ призналъ мой Русскій мундиръ. Оказалось, что онъ недѣлю назадъ пріѣхалъ изъ Одессы, гдѣ затвердилъ нѣсколько Русскихъ словъ, и теперь былъ радъ случаю пустить въ ходъ свое знаніе. Вообще, кажется, урокъ, полученный Турками, произвелъ на нихъ сильное впечатлѣніе: султанъ на первой же аудіенціи послѣшилъ завѣрить графа Орлова, что трактаты будутъ приведены въ исполненіе въ наискорѣйшемъ времени съ величайшею точностію; народъ же и военные, завидя нашъ мундиръ, первые кланяются и привѣтствуютъ насъ. Греки, проходя мимо, тихо говорятъ: «здрасъ батушка добръ». На невольничій рынокъ христіанъ здѣсь не пускаютъ, такъ что, когда надсмотрщикъ увидалъ, что мы подходимъ къ этому мѣсту, то пришелъ въ смущеніе и не зналъ какъ быть; впрочемъ кончилъ тѣмъ, что пропустилъ. Христіане не имѣютъ также права покупать въ лавкахъ оружія, и полиція за этимъ строго смотритъ. Капитанъ Коцебу сторговалъ прекрасную Турецкую саблю за 10 червонцевъ, какъ вдругъ явился кавасъ и хотѣлъ помѣшать продажѣ; но ему пригрозили, и сабля осталась у Коцебу. Вообще названія Руссъ и Москвитинъ надолго останутся въ памяти у всѣхъ, начиная съ нищихъ бѣгавшихъ за нами по Адрианопольскимъ улицамъ и кричавшихъ: Бояръ, Бояръ, дай парички! (денегъ) и кончая министромъ финансовъ султана, у котораго мы въ свою очередь требовали парички. Благодаря Русскимъ, въ Болгаряхъ начинается сознаніе, что Турки не полубоги, а такіе же люди, и если эта мысль, подкрѣпленная примѣрами, укоренится въ нихъ, то для Турокъ могутъ возникнуть многія и многія затрудненія; но этимъ самымъ только что возникающимъ сознаніемъ Болгарскаго народа могутъ легко воспользоваться наши завистники и враги, ради собственной наживы. Уже и теперь многіе Болгары и Греки, имѣющіе сношенія съ извѣстными купцами, говорятъ, что «условія мира обманули ихъ надежды, что мы ихъ бросили на произволъ судьбы, тогда какъ они были готовы насъ встрѣтить съ распростертыми объятіями. На будущій разъ они уже не будутъ такъ довѣрчивы!» На будущій разъ? Гласъ народа—гласъ Божій; я тоже думаю, что наступитъ и «будущій разъ!» Искра будетъ все тлѣться подъ пепломъ: ей не дадутъ потухнуть недовольные нами участники борьбы на Балканскомъ полуостровѣ; и други и недруги будутъ одинаково поддерживать огонекъ. Первые сожалеютъ о стоворчивости и умѣренности нашего Государя; послѣдніе кричатъ, что мы злоупотребляемъ побѣдой! Что же было бы, еслибъ мы водрузили свое знамя на стрѣлкѣ Сераля, возстановили храмъ св. Софіи, и размѣстили бы свои утомленные чрезмѣрными трудностями похода войска въ прекрасныхъ Константинопольскихъ казармахъ? Англичане, конечно, уничтожили бы нашъ незначительный, запертый въ Энносъ флотъ, но при этомъ и сами бы потеряли одинаковое количество кораблей и людей. Въмѣсто того и наши, и ихъ корабли съ экипажемъ остались цѣлы въ бухтѣ; но мы, побѣдители, потеряли на самомъ мѣстѣ побѣды вдвое больше людей! Нѣсколько дней тому назадъ пріѣхалъ сюда курьеромъ изъ Бургаса графъ Кутайсовъ; онъ рассказывалъ ужасныя вещи о положеніи нашихъ войскъ, шедшихъ изъ Адрианополя на зимнія квартиры, а также и про больныхъ нашихъ, оставшихся въ Адрианополѣ. 8-го Ноября выѣхала изъ Адрианополя Главная Квартира, а послѣдніе фургоны еще не прибыли въ Бургасъ 26-го. Отъ недостатка корма большая часть лошадей

и быковъ пала дорогой; люди умирали отъ холода и изнуренія; у кого еще были силы, тѣ тащились съ трудомъ какъ могли; но, пройдя нѣсколько миль, тоже не выдерживали и падали. Я расскажу вамъ два случая изъ Адрианопольской жизни, чтобъ вы могли сами судить, насколько основательны мои жалобы на то, что намъ помѣшали продолжать наше триумфальное шествіе въ Константинополь. За нѣсколько дней до моего отъѣзда изъ Адрианополя, новое управленіе приказало перевести изъ госпиталя въ такъ называемый карантинъ 30 чел. больныхъ, на которыхъ были найдены сомнительные признаки чумы. Изъ любопытства я отправился съ ними, грязь была ужасная, дождь такъ и поливалъ, а палатки для нихъ были поставлены прямо на размокшей землѣ. Глубоко соболевъ объ ихъ участи, я пошелъ назадъ въ госпиталь. У рѣшетки, окружающей главный подѣздъ, сидѣлъ солдатъ егерскаго полка, наканунѣ вечеромъ выступившаго въ Бургасъ; онъ прислонился къ рѣшеткѣ; опершись головой на лѣвую руку. Я подошелъ къ нему спросить, что съ нимъ—онъ уже умеръ. Солдаты, стоявшіе на караулѣ, рассказывали мнѣ, что онъ отъ изнуренія не могъ поспѣть за полкомъ, приползъ назадъ, присѣлъ отдохнуть, да тутъ и покончилъ. Другой побрелъ дальше шаговъ на 200 къ стѣнѣ, гдѣ былъ разложенъ огонь, думалъ согрѣть окоченѣлые члены, но совсѣмъ замерзъ и теперь лежитъ мертвый. Если бы въ Августѣ егерскій полкъ размѣстили по казармамъ въ Рамишъ-Чифликъ или въ Скутари, ничего этого бы не было. А тутъ дипломаты и тактики толкуютъ о томъ, какое счастье, что войска наконецъ могли остановиться, и что этимъ они обязаны заключенному миру!

Я разговаривалъ съ вышеупомянутымъ Одесскимъ матросомъ, но не о политикѣ, а о возрастающей дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ. Два года тому назадъ, на той же самой набережной можно было за 20 пара (20 копѣекъ) наѣсться до сыта, теперь для этого требуется по крайней мѣрѣ 60, даже 80 к. Маленькая комнатка, съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и прислугой, стоитъ здѣсь въ Перѣ 100 и 150 піастровъ (40—60 р.), завтракъ съ хлѣбомъ и туземнымъ виномъ 80 и 100 пара, обѣдъ въ Hôtel de Londres 5 піастровъ. Фунтъ печеныхъ каштановъ стоитъ 8 паръ, куриное яйцо столько же, сотня устрицъ 60 и 80 пара. Бѣлый хлѣбъ дешевле чѣмъ у насъ, но во время блокады Дарданеллъ цѣна на него такъ поднялась, что семейство изъ 12 человекъ должно было тратить ежедневно на хлѣбъ 20 піастровъ (8 рубл.). Въ молоко здѣсь подмѣшиваютъ воду, какъ вездѣ въ большихъ городахъ и берутъ за штофъ 50, 60 к. О свѣжемъ сливочномъ маслѣ не имѣютъ понятія. Весною иногда оно попадаетъ на рынкахъ, теперь же есть только топленое масло. Вино туземнаго издѣлія недурно и недорого, такъ что можно обойтись и безъ иностраннаго, но здѣсь считается признакомъ хорошаго тона подавать за обѣдомъ Французскія вина. Фонтановъ и колодезевъ великое множество, такъ какъ всякій правовѣрный мусульманинъ считаетъ богоугоднымъ дѣломъ устроить хоть одинъ колодезь; въ этомъ они, конечно, правы, но неправы въ томъ, что не видятъ, что главная причина сонливости и апатіи народа лежитъ въ злоупотребленіи табакомъ и опиумомъ. Вода въ водопроводахъ здѣсь желта и мутна, но въ фонтанахъ чиста какъ кристалъ.

Такъ какъ я уже заговорилъ о дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ, то могу еще пожаловаться, что здѣсь нельзя найти Русскаго чернаго

чаю; есть только Англійскій зеленый, и тотъ продается въ аптекахъ. Въ кофеѣ, конечно, недостатка нѣтъ; фунтъ жженого и смолотаго кофе Мартиника стоитъ 60 к., фунтъ Мокки 1 р. 20 к. Въ Адриано-полѣ онъ былъ лучше и стоилъ дешевле.

*

Если когда нибудь Константинополь перейдетъ въ руки Европейцевъ, то Турецкія кладбища должны быть сохранены въ цѣлости въ память окончанія Турецкаго владычества въ Европѣ. Гдѣ тѣ времена, когда Турки были такъ могущественны? Сгубило ихъ не незнаніе Европейской военной науки, а упадокъ воинственнаго духа; а духъ этотъ убила военная солдатская выправка новѣйшаго времени, которую имъ навязали, и въ которой они не видятъ ни смысла, ни необходимости. Они не понимаютъ, зачѣмъ, если Аллахъ далъ имъ ноги, чтобъ стремительно кидаться на врага, или чтобъ спастись бѣгствомъ, зачѣмъ нужно маршировать непременно въ три пріема, ружье заряжать во столько-то пріемовъ, стрѣлять, вынимать саблю, все это извѣстнымъ образомъ, а не иначе. Всякій разъ, какъ является возможность свободно дѣйствовать и притомъ на конѣ, они проявляютъ отчаянную, безумную храбрость; напримѣръ, придетъ какому нибудь дѣлу (сумасшедшему) фантазія снести голову непріятельскому офицеру, или освободить попавшагося въ плѣнъ товарища, будь это на 200—300 шаговъ отъ фронта, или вообще выказывать свою храбрость, онъ вдругъ выскакиваетъ изъ рядовъ и мчится на врага, за нимъ скачутъ десять, двадцать, тридцать человѣкъ, и тутъ не поможетъ ни команда, ни сигналы: они всѣ дѣли сумасшедшіе! Пѣшіе же Турокъ считаетъ себя погибшимъ, защищается плохо и старается спастись бѣгствомъ. Если иногда и случается ему упорно защищаться, то можно навѣрное сказать, что онъ отстаиваетъ свое оружіе или туго набитый кошелекъ, но пользы упорнаго сопротивленія всей массой онъ не признаетъ. Къ тому же онъ считаетъ дисциплину и слѣпое повиновеніе уничиженіемъ для себя, тѣмъ болѣе, что Коранъ повелѣваетъ ему на войнѣ и въ битвѣ съ гяурами неистовствовать какъ его душѣ угодно, а дисциплина нарушаетъ заповѣдь. Для новобранцевъ механизмъ веденія войны кажется только непріятнымъ продолженіемъ казарменнаго ученія, потому что народъ не понимаетъ, зачѣмъ ему драться съ чужими, хорошо обученными солдатами: добычи при этомъ не предвидится никакой, развѣ только носы и уши, чтобъ облегчить себѣ доступъ въ рай. Четыре мѣсяца тому назадъ, когда мы были уже за Балканами, народъ и не подозревалъ грозящей опасности, и только когда мы заняли Адрианополь и Дуле-Бургазъ, онъ немного вышелъ изъ апатіи; но при этомъ рѣшался только на одно—переселиться въ Азію въ крайнемъ случаѣ. И теперь они не думаютъ нисколько о жертвахъ, которыя, можетъ быть, придется принести. Даже самъ рейсъ-эффенди, считающійся человѣкомъ образованнымъ, въ иныхъ случаяхъ поражаетъ отсутствіемъ необходимыхъ знаній и невѣроятнымъ равнодушіемъ къ важнымъ вопросамъ. Сербскіе депутаты, которыхъ я встрѣтилъ въ Дуле-Бургазѣ, пріѣхали сюда, чтобъ опредѣлить новыя границы своего расширеннаго княжества и получить утвержденіе Порты. Еслибы они хотѣли воспользоваться тѣмъ, что Турки не знаютъ географіи даже своей собственной земли, то имъ было бы легко прирѣзать себѣ какіе угодно участки. Однажды рейсъ-эффенди очень наивно спросилъ, будетъ ли теперь Нишъ тоже принадлежать Сербіи. Нѣчто

подобное случилось съ Турецкими уполномоченными во время переговоровъ о мирѣ въ Адрианоуполѣ. Имъ показали на картѣ отдѣльно каждый округъ, который отходилъ къ Россіи. Они бросили бѣглый взглядъ на карту и сказали обычное *некиррѣ* (ладно). Потомъ они попросили показать, какое пространство всѣ эти округа составляютъ вмѣстѣ, и тогда нашли, что это выходитъ черезъ чуръ много. Имъ на это замѣтили, что они на переговорахъ о каждомъ округѣ отдѣльно изъяснили свое согласіе; тогда они махнули рукой и проговорили: э, *некиррѣ*.

*

Вчера за завтракомъ у Коцебу я встрѣтилъ одного изъ адъютантовъ султана, молодого полковника Ауні-бея, который можетъ служить образчикомъ того, въ какой мѣрѣ удались культурные опыты Махмуда. Онъ былъ похожъ на Европейца, насколько это возможно для Турка, не получившаго Европейскаго школьнаго образованія; при этомъ былъ очень добродушенъ и совершенный ребенокъ. Вмѣсто сладкой малаги, которая допускается мусульманами взаимѣнъ шербета, онъ пилъ крѣпкую смородинную настойку, находя, что та годится только для женщинъ. Онъ говоритъ пофранцузски съ трудомъ, но понимаетъ все. Смородиновка и Шампанское развязали ему языкъ, такъ что онъ предложилъ даже тостъ за императора Николая; мы, конечно, отвѣчали тостомъ за султана. Судя по его рассказамъ, военныя реформы въ Турціи коснулись только внѣшности, хотя онъ и придавалъ имъ большое значеніе, какъ напр. султанъ пересталъ брить голову, сталъ отращивать волосы и хочетъ уничтожить феску. Галиль-пашѣ, отправленному посломъ въ Петербургъ, приказано не носить тамъ фески, такъ какъ онъ военный; самъ онъ, Ауні, не женатъ еще, потому что такъ лучше для солдата. Мы его звали къ себѣ въ гости въ Петербургъ, но онъ сказалъ, что боится, какъ бы не привыкнуть къ тамошней жизни, а тогда ему ужъ покажутся тяжелы родные обычаи. Послѣ завтрака, онъ предложилъ намъ отправиться вмѣстѣ въ храмъ къ вертящимся дервишамъ, чтобъ посмотреть на ихъ обряды. Храмъ находится на улицѣ, ведущей въ Галату и окруженъ золоченой рѣшеткой, за которой виднѣются могилы святыхъ. На рѣшеткѣ висятъ 20 жестяныхъ чашъ, которыя сторожъ постоянно наполняетъ водой изъ находящагося тутъ же колодца, для того чтобы набожные прохожіе могли утолить жажду. Молитвенный круглый залъ находится на дворѣ; вдоль стѣнъ идутъ колонны, поддерживающія хоры и соединенныя рѣшетками, такъ что въ залу кромѣ дервишей никто не можетъ войти. Въ восточной его части на полу лежитъ подушка для главнаго дервиша, а на противоположной сторонѣ дверь, въ которую входятъ остальные 12 дервишей: входя они низко кланяются и затѣмъ при звукахъ барабана и флейты торжественно, мѣрными, мелкими шагами совершаютъ первый обходъ; поровнявшись съ главнымъ дервишемъ, они ему низко кланяются, потомъ становятся въ кругъ, сбрасываютъ плащи и остаются въ зеленыхъ суконныхъ курткахъ съ широкими, длинными рукавами и въ длинныхъ сапогахъ изъ той же матеріи, крупными складками ниспадающихъ до полу; на головахъ надѣты острые шапки изъ сѣраго войлока, въ видѣ пирамиды, фута въ два вышиною. Покуда они стоятъ неподвижно, можно разсмотрѣть ихъ блѣдныя лица съ ввалившимися щеками, впалые, тусклые глаза и черныя бороды; но еще минута, и они вытягиваютъ горизонтально руки, закрываютъ глаза и начинаютъ кружиться на одномъ мѣстѣ какъ кубарь. Въ это время юшки

ихъ, съ вшитыми въ подолъ свинцовыми гирьками, развѣваются и образуютъ пирамиду съ широкимъ основаніемъ, изъ подъ котораго виднѣются босые ноги, быстро движущіяся въ тактъ подъ звуки раздрающаго душу пѣнія. Верченіе это повторяется три раза и продолжается всякій разъ минутъ 8 или 10, при чемъ ни одинъ изъ нихъ не шатается и не падаетъ. Въ это время главный дервишъ медленно обходитъ вокругъ залы, ставя при этомъ пятку одной ноги прямо къ носку другой, какъ будто желая вымѣрить такимъ образомъ всю залу; потомъ снова садится и принимаетъ поклоны дервишей. Одѣтъ онъ совершенно также какъ и остальные, но шляпа его въ отличіе отъ другихъ обвязана зеленой лентой.

29-го Декабря 1829.

Въ прошлый Четвергъ былъ концертъ у Австрійскаго посланника, барона фонъ Отенфельса. Съ незапамятныхъ временъ Четвергъ былъ приемнымъ днемъ въ этомъ посольствѣ, какъ вдругъ другая національность заявила притязанія на этотъ же день. Изъ-за Четверга возгорѣлась борьба, едва не кончившаяся дипломатическимъ разрывомъ; но тутъ война между Россіей и Турціей отвлекла вниманіе враждующихъ и заставила ихъ примириться. Австрія отстояла свой Четвергъ. Общество въ Перѣ отличается такимъ разнообразіемъ элементовъ, что хозяину и хозяйкѣ дома довольно трудно придумать развлеченіе для пестрой толпы гостей. Разумѣется, пестрота эта внутренняя, духовная, а отнюдь не виѣшняя, такъ какъ всѣ мужчины являются въ черномъ, только трое Русскихъ, Бахметевъ, Коцебу и гр. Орловъ, въ военныхъ мундирахъ сверкаютъ какъ кометы. Въ своемъ затруднительномъ положеніи хозяйка прибѣгнула къ отличному средству, къ музыкѣ. Г-нъ фонъ Клетцель прекрасно играетъ на фортепьяно и самъ сочиняетъ; Бахметевъ играетъ на виолончели; къ нимъ присоединили гитариста, нѣсколько пѣвцовъ и пѣвицъ, и такимъ образомъ музыки оказалось больше, чѣмъ сколько требовалось.

Въ концертѣ присутствовали представители различныхъ величествъ; они всѣ сидѣли въ первомъ ряду креселъ. Между ними особенно выдѣлялся ростомъ и дородствомъ Сардинскій посланникъ Гропалло, Геркулесъ, изъ котораго можно бы выкроить по крайней мѣрѣ двухъ обыкновенныхъ дипломатовъ. Онъ сидѣлъ, погруженный въ размышленія, рядомъ съ Датскимъ посланникомъ, барономъ Гюбшемъ, отецъ котораго былъ очень богатъ и игралъ большую роль въ Константинополѣ; къ сожалѣнію сынъ не наследовалъ ни богатства, ни вліянія отца. Онъ очень заботился о нашихъ плѣнныхъ въ Турціи, за что и получилъ отъ Государя Владимірскую звѣзду и 100,000 пиастровъ въ подарокъ.

По лѣвую сторону отъ Датскаго посланника сидѣлъ представитель Пруссіи Ройеръ, старый, опытный дипломатъ: безъ его участія въ послѣднія двадцать лѣтъ не заключалось ни одного важнаго мира или трактата въ Европѣ. Ему мы обязаны дѣятельнымъ посредничествомъ при заключеніи Адрианопольскаго мира. Съ графомъ Орловымъ и его свитой онъ обращается очень дружески. Но за то со сѣдъ его, Англіискій посланникъ Гордонъ, не смотря на всѣ усилія, никакъ не можетъ скрыть своего желанія отправить Русскихъ куда нибудь даже подальше Азіи, хотъ на сѣверный полюсъ. Онъ даже отростилъ себѣ усы, когда узналъ, что мы въ Адрианополѣ, чтобъ имѣть болѣе воинственный видъ въ случаѣ столкновенія между Англіискимъ флотомъ и нашей небольшою экадрой въ бухтѣ Эносъ.

Австрійскій посланникъ сидѣлъ между нимъ и Русскимъ посломъ, составляя собою какъ бы перегородку между бульдогомъ и полярнымъ медвѣдемъ. Французскій посланникъ не пріѣхалъ по болѣзни.

Послѣ концерта много говорили объ Янычарахъ, не задолго передъ тѣмъ истребленныхъ Махмудомъ. Кажется, что графъ Орловъ первый заговорилъ о нихъ, сравнивъ переворотъ этотъ съ уничтоженіемъ стрѣльцовъ Петромъ Великимъ. Въ семьѣ Орловыхъ, какъ извѣстно, существуетъ преданіе объ ихъ предкѣ стрѣльцѣ, который за свою физическую силу и нравственное мужество былъ помилованъ Царемъ. Онъ уже шелъ на казнь и спокойно, со связанными назадъ руками, подходилъ къ плахѣ, возлѣ которой лежали кучею отрубленные головы товарищей; у самой плахи лежало тѣло только что казненнаго стрѣльца. Высокій, красивый, блондинъ юноша шутя оттолкнулъ ногою трупъ, примолвя: «пусти, товарищъ!» и хотѣлъ уже положить голову, какъ вдругъ Петръ, пораженный его словами, крикнулъ: «Стой, довольно!» Этотъ Орловъ былъ переведенъ въ гвардію, сдѣлался вѣрнымъ товарищемъ Царю, и съ тѣхъ поръ весь родъ ихъ вѣрою и правдою служилъ царской семьѣ, которая въ свою очередь всегда платила имъ милостію.

Россія и Австрія уже давно уговорились съ Турецкимъ правительствомъ, что ихъ посланники не будутъ привозить подарковъ Высокой Портѣ; но графъ Орловъ счелъ долгомъ доставить Сералю и высшимъ должностнымъ лицамъ, по стародавнему обыкновению—что бы вы думали?—пудъ настоящаго Китайскаго ревеннаго корня. Отлично укупоренное желудочное лекарство было отослано къ обергофмаршалу Турецкаго двора.

Одесскій карантинъ, 1 Іюня 1830 г.

30 Мая прошлаго года выѣхалъ я изъ Петербурга, а нынѣшній день снова ступилъ на родную землю. Двѣ недѣли тому назадъ, 17 (29) Мая размѣнены мирныя ратификаціи. На другой день графъ Орловъ простился съ султаномъ въ Терапіи, въ кіоскѣ, гдѣ стоялъ диванъ покрытый ситцемъ. Султанъ устранилъ всякія околичности, имѣлъ при себѣ одного адъютанта и секретаря и пригласилъ въ кіоскъ обоихъ военныхъ спутниковъ графа Орлова, Коцебу и Бахметева. Секретарь служилъ толмачомъ. Разговоръ продолжался недолго. Султанъ снялъ съ своего пальца драгоцѣнный перстень и собственноручно передалъ его на память графу Орлову: неслыханная милость мусульманскаго падишаха относительно христіанина. Адъютантъ вручилъ спутникамъ графа табакерки осыпанныя брилліантами. 21-го Мая, посольство, во всемъ своемъ составѣ, сѣло въ большую лодку, переправилось въ Буюкдере и тамъ ожидало благопріятнаго вѣтра. Въ 10 часовъ утра, 24 Мая, тяжеловѣсный линейный корабль «Пармень» бросилъ якорь. Мы имѣли полную возможность рассмотреть оба берега въ этой части Босфора. Корабль нашъ прослѣдовалъ мимо батарей въ Черное море. Девять дней плыли мы до Одессы.

Несокрушимое убѣжденіе, вынесенное мною изъ моего странствія, есть неизбѣжность разрушенія Турціи: *senseo Turciam delendam esse*. Желаю дожить до того ⁶⁾.

⁶⁾ Мы раздѣляемъ это желаніе автора, которому нѣтъ 80 лѣтъ отъ роду. П. Б.